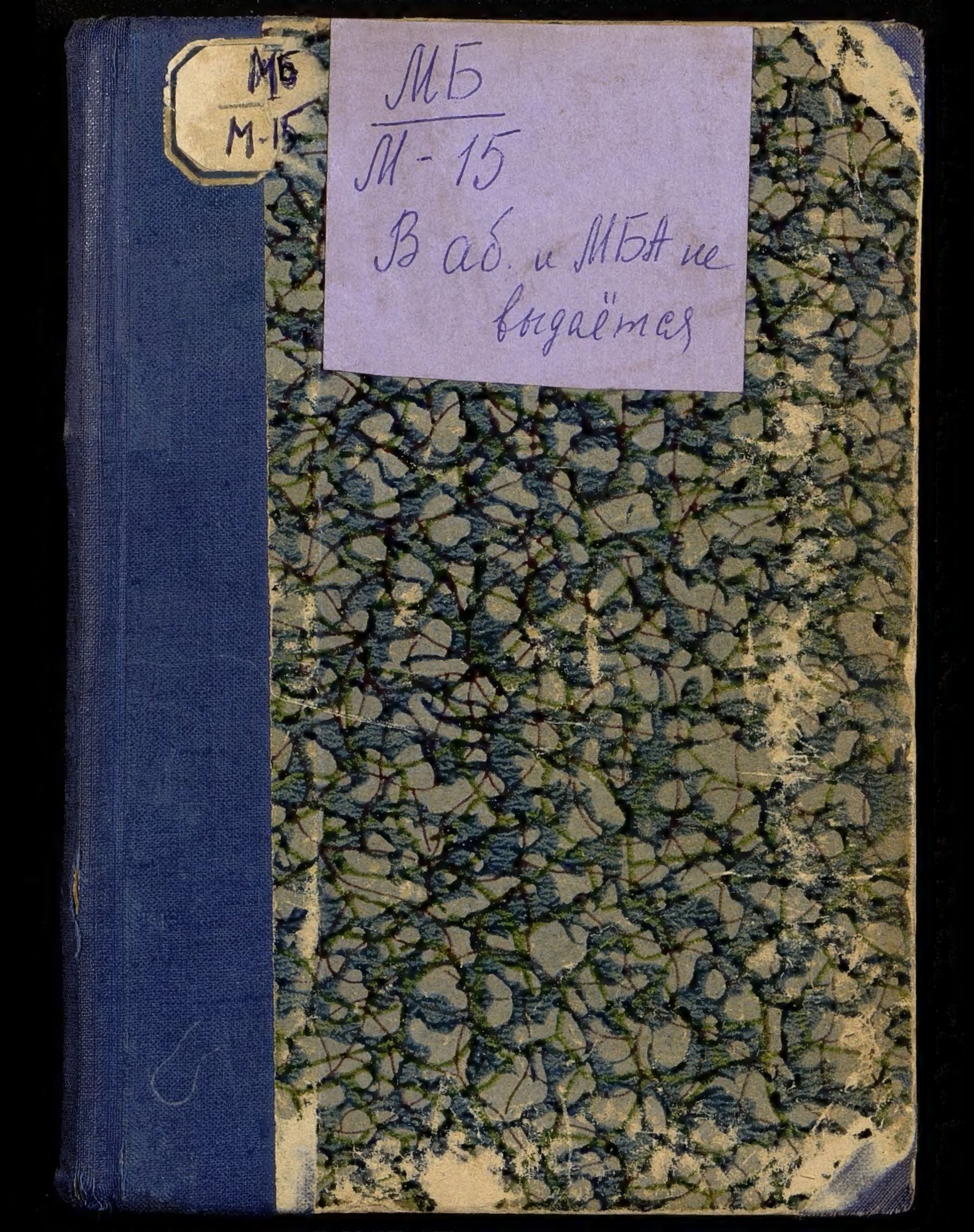
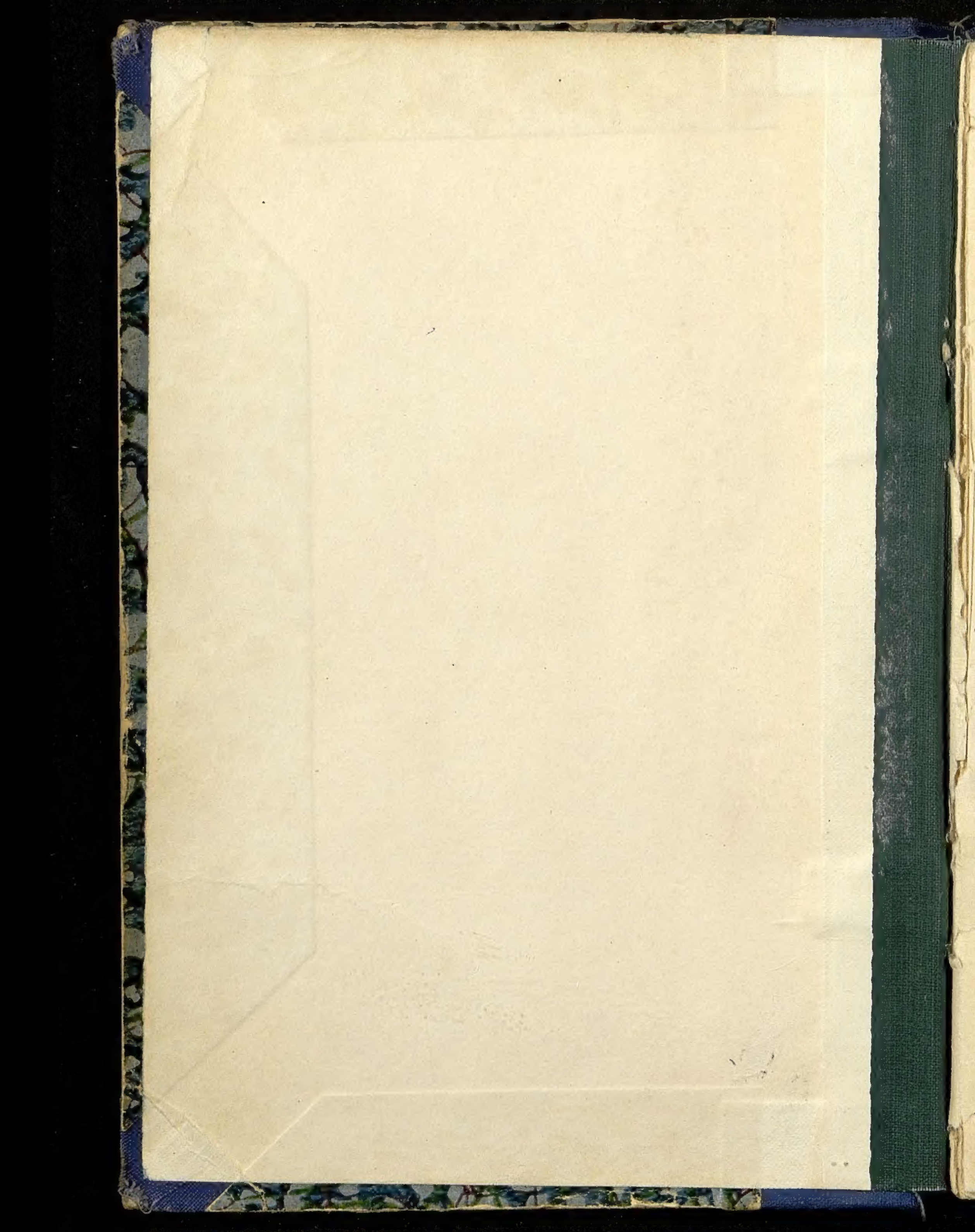

МБ
М-15
МБ
М-15
В аб. и МБА не выдаётся

НИККОЛО МАКІАВЕЛЛИ.

КНЯЗЬ

(IL PRINCIPE).

ПЕРЕВОДЪ СЪ ИТАЛЬЯНСКАГО

С. М. РОГОВИНА.

Цѣна 60 коп.

Изданіе Н. Н. Клочкова.

МОСКВА,
1910.

Никколо Макіавелли

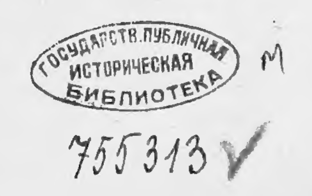
КНЯЗЬ.

(IL PRINCIPE).

ПЕРЕВОДЪ СЪ ИТАЛЬЯНСКАГО
С. М. РОГОВИНА.

Изданіе Н. Н. Клочкова.

МОСКВА. 1910.

Типографія Вильде, Москва, Малая Кисловка, соб д.

НИККОЛО МАКІАВЕЛЛИ

Лоренцо Великолѣпному, сыну Пьеро Медичи.

Въ большинствѣ случаевъ лица, желающія заслужить милость Князя, преподносятъ ему вещи, наиболѣе цѣнныя изъ тѣхъ, которыми они обладаютъ, или же тѣ, которыя, на ихъ взглядъ, ему болѣе по душѣ; и мы видимъ, какъ часто Князьямъ приносятъ въ даръ коней, оружіе, парчу, драгоцѣнные камни и тому подобныя украшенія, достойныя ихъ высокаго сана. Но когда я вознамѣрился засвидѣтельствовать чѣмъ-нибудь Вашей Свѣтлости мою преданность къ Вамъ, то во всемъ моемъ достояніи я не нашелъ вещи, которая была бы мнѣ дороже и которую я цѣнилъ бы выше, нежели знаніе дѣяній великихъ людей, знаніе, пріобрѣтенное мною благодаря долгому наблюденію современной жизни и постоянному изученію древней; я приложилъ много стараній къ тому, чтобы тщательно его продумать и разсмотрѣть, и теперь, заключивъ его въ небольшой томикъ, я вручаю этотъ даръ Вашей Свѣтлости. И хотя я сознаю, что этотъ трудъ недостоинъ предстать передъ Вами, я тѣмъ не менѣе увѣренъ, что Ваше великодушіе побудитъ Васъ принять его, ибо Вы знаете, что самый большой даръ, съ которымъ я могъ бы къ Вамъ обратиться—это дать возможность уразумѣть въ короткое время все то, что

я позналъ и понялъ въ теченіе столькихъ лѣтъ, съ такими тревогами и опасностями.

Я не украсилъ и не наполнилъ своего труда ни пространными отступленіями, ни пышными и велерѣчивыми фразами, ни какими бы то ни было внѣшними прикрасами, которыми многіе уснащаютъ свое изложеніе: мнѣ хотѣлось, или чтобы за него говорили истинность содержанія и важность предмета, или же вообще ничего. Мнѣ думается также, что не слѣдуетъ считать дерзостью, если человѣкъ со скромнымъ или болѣе чѣмъ скромнымъ положеніемъ рѣшитъ обсуждать и направлять дѣятельность Князей, ибо подобно тому, какъ зарисовывающіе какую-нибудь мѣстность спускаются внизъ, въ долину, чтобы разсмотрѣть строеніе горъ и возвышенностей, а чтобы разсмотрѣть низменности взбираются вверхъ на горы, точно также, чтобы должнымъ образомъ познать природу народа, нужно быть Княземъ, а чтобы должнымъ образомъ познать природу Князей—принадлежать къ народу.

Примите же, Ваша Свѣтлость, этотъ скромный даръ съ тѣми же чувствами, съ какими я его вручаю: если Вы соизволите внимательно разсмотрѣть его и прочесть, то Вы увидите въ немъ мое горячее желаніе, чтобы Вы достигли того величія, которое прочитъ Вамъ счастье и другія ваши свойства. И если Вы, Ваша Свѣтлость, съ высоты занимаемаго Вами положенія хоть одинъ разъ бросите взглядъ на эти долины, то Вы поймете, насколько незаслуженно терплю я жестокіе и непрестанные удары судьбы.

КНЯЗЬ.

Глава I.

Сколько есть видовъ княжествъ и какимъ образомъ они пріобрѣтаются.

Всѣ государства, всѣ формы господства, которыя имѣли и имѣютъ власть надъ людьми, были и суть или республики, или княжества. Княжества бываютъ или наслѣдственными, въ которыхъ долгое время правитъ одна княжеская династія, или же новыми. Новыя или являются таковыми всецѣло, какимъ былъ Миланъ для Франческо Сфорца, или же они присоединены, какъ составная часть, къ наслѣдственному государству пріобрѣтшаго ихъ Князя, какъ королевство Неаполитанское по отношенію къ королю Испанскому. Эти государства, пріобрѣтенныя такимъ образомъ, или привычны жить подъ властью Князя, или же быть свободными: пріобрѣтаются же они или чужимъ оружіемъ, или своимъ собственнымъ, благодаря счастію или доблести.

Глава II.

О наслѣдственныхъ княжествахъ.

Я не стану касаться республикъ, ибо подробно говорилъ о нихъ въ другомъ мѣстѣ [1]). Здѣсь я займусь исключительно княжествомъ и постараюсь выяснить, держась намѣченныхъ выше основъ, какимъ образомъ эти княжества могутъ быть управляемы и удерживаемы.

Итакъ я говорю, что государства наслѣдственныя, привыкшія къ династіи своего Князя, удержать гораздо легче, чѣмъ новыя, ибо для этого Князю достаточно не посягать на учрежденія своихъ предковъ и сообразоваться въ своемъ поведеніи съ обстоятельствами, такъ что Князь даже среднихъ дарованій всегда удержится въ своемъ государствѣ, если только онъ не лишится его благодаря какой-нибудь необычайной или непреодолимой силѣ; и если онъ даже будетъ лишенъ его—онъ пріобрѣтетъ его снова, лишь только завоевателя постигнетъ какая-нибудь бѣда. Примѣромъ въ Италіи можетъ быть герцогъ Феррарскій, который выдержалъ натискъ Венеціанцевъ въ 84 г. и папы Юлія II въ 10 г.[2]) только по той причинѣ, что являлся представителемъ искони господствовавшей династіи. Вѣдь Князю по рожденію представляется менѣе причинъ и менѣе необходимости оскорблять, и потому онъ болѣе любимъ;

---

[1]) Макіавелли имѣетъ въ виду „Discorsi sopra la prima deca di T. Livio“. *Прим. пер.*

[2]) Т. е. 1484 г. и 1510 г. *Прим. пер.*

и если необычайные пороки не сдѣлаютъ его ненавистнымъ, то слѣдуетъ ожидать, что его подданные будутъ питать къ нему естественную привязанность, благодаря же давности и непрерывности господства его династіи исчезнетъ какъ память о нововведеніяхъ, такъ и причины ихъ, ибо всегда одно измѣненіе прокладываетъ путь другому.

Глава III.

О смѣшанныхъ княжествахъ.

Но въ новомъ княжествѣ имѣются трудности. И если оно не всецѣло новое, но является составной частью, такъ что цѣлое можетъ быть названо смѣшаннымъ, то броженія въ немъ обусловлены прежде всего естественной трудностью, имѣющей мѣсто во всѣхъ новыхъ княжествахъ, ибо люди охотно мѣняютъ властителей въ надеждѣ на лучшую долю, — и эта надежда побуждаетъ ихъ поднимать оружіе противъ правителя; но ихъ ждетъ разочарованіе, такъ какъ опытъ не замедлитъ показать имъ, что ихъ положеніе еще ухудшилось. Послѣднее зависитъ отъ другой естественной и обычной необходимости, которая всегда вынуждаетъ Князя угнетать своихъ новыхъ подданныхъ и содержаніемъ его арміи, и безчисленными другими притѣсненіями, которыя влечетъ за собой недавнее пріобрѣтеніе. Такимъ образомъ Князю приходится имѣть врагами всѣхъ, кого онъ обидѣлъ при за-

хватѣ этого княжества, и онъ не сможетъ удержать дружбу тѣхъ, которые способствовали этому захвату, такъ какъ онъ не имѣетъ возможности удовлетворить ихъ въ той степени, какъ они предполагали, и не можетъ принять противъ нихъ рѣшительныхъ мѣръ, будучи имъ обязанъ: какъ бы ни были сильны чьи-либо войска, все же, чтобы получить доступъ въ какую-нибудь страну, онъ нуждается въ расположенiи туземныхъ жителей. Этимъ объясняется, почему Людовикъ XII такъ быстро занялъ Миланъ и такъ быстро его лишился; чтобы отнять его у него въ первый разъ, достаточно было собственныхъ силъ Людовика Сфорца: тотъ самый народъ, который открылъ ворота королю французскому, обманувшись въ своихъ ожиданiяхъ и своихъ разсчетахъ на будущiя блага, не смогъ вынести гнета новаго Князя. Однако же несомнѣнно, что если возставшiя страны прiобрѣтаются вновь, то ихъ уже не такъ легко потерять, такъ какъ властитель, подъ предлогомъ происшедшаго возстанiя, будетъ менѣе сдерженъ въ мѣрахъ, необходимыхъ для обезпеченiя его положенiя, наказывая ослушниковъ, выводя на чистую воду неблагонадежныхъ, принимая мѣры къ охранѣ болѣе слабыхъ мѣстъ. Такимъ образомъ, если для того, чтобы въ первый разъ лишить Францiю Милана, достаточно было герцогу Людовику пошумѣть на границѣ, то, чтобы лишить ее во второй разъ, противъ нее долженъ былъ ополчиться весь свѣтъ, ея войска должны были быть разсѣяны и изгнаны изъ Италiи. Причины этого явленiя были приведены мною выше.

Однако Францiя лишилась Милана и въ первый,

и во второй разъ. Общія причины ея первой неудачи были уже изложены; теперь остается только разсмотрѣть причины второй и указать на средства, которыми располагалъ король французскій и могъ бы располагать всякій другой въ его положеніи для того, чтобы удержаться въ пріобрѣтенной странѣ лучше, нежели это сдѣлалъ онъ. Слѣдуетъ замѣтить, что государства, присоединяемыя, по своемъ пріобрѣтеніи, къ прежнему государству пріобрѣтшаго ихъ Князя, или находятся въ той же странѣ и говорятъ на томъ же языкѣ, что и первое, или же нѣтъ. Въ первомъ случаѣ удержать ихъ очень легко, въ особенности когда они не привычны къ свободѣ; для того, чтобы въ безопасности владѣть ими, достаточно истребить господствовавшій тамъ княжескій родъ. Вѣдь что касается остального, то люди, сохранивъ свои прежніе порядки, при отсутствіи разницы въ обычаяхъ, будутъ жить спокойно, какъ живутъ Бургундія, Бретанія, Гасконія и Нормандія, столько лѣтъ составляющія одно цѣлое съ Франціей; хотя между ними и есть нѣкоторое различіе въ языкѣ, однако ихъ обычаи сходны, и они легко могутъ ладить между собой. Пріобрѣтшій такія государства, если желаетъ ихъ сохранить, долженъ имѣть въ виду два условія: во 1) чтобы угасъ родъ прежняго Князя, во 2) не измѣнять ни ихъ законовъ, ни обложенія; при такомъ образѣ дѣйствія новое княжество въ самое короткое время сольется со старымъ, образуя единое цѣлое.

Но когда пріобрѣтаются государства въ странахъ, отличныхъ по языку, нравамъ и порядкамъ, то здѣсь возникаютъ трудности, и, чтобы удержать подобныя

государства, нужно обладать большимъ счастьемъ и энергіей. Наилучшимъ и наиболѣе дѣйствительнымъ средствомъ было бы самоличное переселеніе въ нихъ того, кто пріобрѣлъ ихъ. Это сдѣлало бы обладаніе болѣе прочнымъ и продолжительнымъ. Такъ сдѣлалъ Султанъ турецкій относительно Греціи: ему никогда бы, несмотря ни на какія мѣры, не удалось бы удержать этого государства, если бы онъ не переселился туда на житье. Вѣдь, находясь на мѣстѣ, замѣчаешь безпорядки въ самомъ зародышѣ, и тогда ихъ можно подавить; живя же вдали, узнаешь о нихъ только тогда, когда они разрослись и съ ними ничего нельзя подѣлать. Кромѣ того страна не терпитъ разоренія отъ ставленниковъ Князя. Подданные довольны тѣмъ, что всегда имѣютъ возможность обратиться къ Князю; поэтому, при желаніи быть хорошими, они имѣютъ болѣе причинъ его любить, въ противномъ случаѣ — бояться. Что же касается чужеземцевъ, желающихъ напасть на это государство, то и имъ присутствіе Князя внушаетъ нѣкоторую робость, такъ что труднѣе всего лишиться государства, живя въ немъ. Другой превосходной мѣрой является основаніе въ двухъ или трехъ мѣстахъ колоній, которыя будутъ какъ бы стражами этого государства; необходимо или сдѣлать такъ, или держать въ немъ большое количество кавалеріи и пѣхоты. Колоніи обходятся Князю недорого и, безъ издержекъ съ своей стороны или же съ очень небольшими, онъ основываетъ и поддерживаетъ ихъ. При этомъ ему придется обидѣть лишь тѣхъ, у кого онъ отниметъ поля и жилища, чтобы отдать новымъ поселенцамъ, но эти обиженные составляютъ лишь ничтожную

часть всего населенія и при своей разрозненности и бѣдности ничѣмъ не смогутъ повредить ему. Что же касается остальныхъ жителей, то съ одной стороны они ничѣмъ не будутъ обижены и потому очень скоро успокоятся, съ другой—они побоятся ослушаться, чтобы не подвергнуться участи обездоленныхъ. Однимъ словомъ, эти колоніи не требуютъ издержекъ, отличаются наибольшей преданностью и сопряжены съ наименьшими обидами для населенія; обиженные же, какъ я сказалъ, будучи бѣдны и разрознены, не имѣютъ возможности вредить.

По этому поводу слѣдуетъ замѣтить, что людей нужно или взять лаской, или же вовсе отъ нихъ избавиться, ибо, если люди мстятъ за легкія обиды, то за тяжкія они лишены возможности сдѣлать это, такъ что обида, нанесенная человѣку, должна быть такого рода, чтобы не опасаться за нее мести. Но если вмѣсто колоній содержать войска, то это обойдется Князю много дороже, на охрану придется тратить всѣ доходы съ этого государства, такъ что пріобрѣтеніе становится для Князя убыточнымъ, да и кромѣ того такой образъ дѣйствій сопряженъ съ бо́льшими обидами: постой и передвиженіе войскъ дурно отзывается на всемъ государствѣ. Тяжесть такого положенія вещей ощущается всѣми, и каждый становится врагомъ Князя, причемъ эти враги не лишены возможности вредить, такъ какъ, хотя они и чувствуютъ гнетъ, но остаются подъ своимъ кровомъ. Итакъ, со всѣхъ точекъ зрѣнія, подобная охрана настолько же безполезна, насколько полезна охрана путемъ колонизаціи.

Далѣе, тотъ, кто находится въ странѣ, чуждой по обычаямъ и нравамъ, долженъ сдѣлаться главой и защитникомъ менѣе сильныхъ сосѣдей и постараться ослабить болѣе могущественныхъ, особенно слѣдя за тѣмъ, чтобы, благодаря какому-нибудь случаю, въ страну не проникъ чужеземецъ не менѣе могущественный, чѣмъ онъ самъ; вѣдь всегда слѣдуетъ ожидать, что недовольные въ такой странѣ (вслѣдствіе ли страха или чрезмѣрнаго честолюбія) обратятся къ чужеземцамъ. Такъ Римляне были призваны въ Грецію этолійцами, и во всѣ другія страны, куда они приходили, они являлись по зову туземныхъ жителей. Обыкновенно дѣло происходитъ такъ: лишь только въ страну проникаетъ могущественный чужеземецъ, всѣ менѣе могущественные въ ней, побуждаемые завистью къ тому, кто до сихъ поръ былъ могущественнѣе ихъ, примыкаютъ къ этому чужеземцу, такъ что для него не составитъ никакого труда пріобрѣсти ихъ расположеніе, ибо они сами тотчасъ же добровольно начинаютъ дѣйствовать за одно съ пріобрѣтеннымъ имъ здѣсь государствомъ. Ему слѣдуетъ только позаботиться о томъ, чтобы они не пріобрѣли слишкомъ много силъ и вліянія, и ему будетъ легко, опираясь на ихъ сочувствіе, низвергнуть болѣе могущественныхъ, чтобы остаться полновластнымъ хозяиномъ всей этой страны. И кто не обезпечитъ себя надлежащимъ образомъ съ этой стороны, тотъ быстро лишится своего пріобрѣтенія, да и держа еще его въ своей власти, долженъ будетъ бороться съ безчисленными трудностями и осложненіями.

Римляне всегда соблюдали эти правила въ за-

хваченныхъ ими странахъ; они основывали колоніи, поддерживали менѣе могущественныхъ, не увеличивая ихъ силъ, ослабляли болѣе могущественныхъ и принимали мѣры къ тому, чтобы въ эту страну не проникало вліяніе могущественныхъ чужеземцевъ. Я ограничусь лишь примѣромъ Греціи. Они поддерживали ахейцевъ и этолійцевъ, ослабили Македонское царство, изгнали Антіоха; и никогда заслуги ахейцевъ или этолійцевъ не могли побудить ихъ къ тому, чтобы дозволить этимъ государствамъ усилиться на счетъ другихъ; убѣжденія Филиппа не смогли доставить ему ихъ дружбы до тѣхъ поръ, пока они не ослабили его; могущество Антіоха не могло заставить ихъ согласиться на то, чтобы онъ удержалъ въ своей власти какое-нибудь государство въ этой странѣ.

Римляне поступали въ этихъ случаяхъ такъ, какъ обязаны поступать всѣ мудрые Князья, которые должны имѣть въ виду не только настоящія затрудненія, но и будущія и со всей энергіей принимать мѣры противъ этихъ послѣднихъ. Вѣдь, если предвидѣть ихъ заранѣе, то не трудно будетъ бороться съ ними; если же дождаться ихъ приближенія, то лѣченіе будетъ уже несвоевременно, ибо болѣзнь стала неизлѣчимой. Здѣсь происходитъ то же самое, что, по словамъ медиковъ, характерно для чахотки: въ началѣ ее легко излѣчитъ, но трудно распознать, по истеченіи же нѣкотораго времени, если она не была распознана и исцѣлена, ее легко распознать, но излѣчить трудно.

То же происходитъ и въ дѣлахъ государства: если знать заранѣе зарождающееся въ немъ зло (это дано, конечно, лишь мудрому), то исцѣлить его не

трудно, если же допустить, чтобы это зло, не будучи своевременно опознано, разраслось до такихъ размѣровъ, что оно становится яснымъ для каждаго,—противъ него уже нѣтъ средствъ. Поэтому Римляне, предвидѣвшіе заранѣе надвигающіяся осложненія, всегда находили противъ нихъ дѣйствительныя средства и никогда не запускали дѣла, чтобы только избѣжать войны, ибо они понимали, что такимъ образомъ война не устраняется, но отлагается къ выгодѣ противника. Поэтому они предпочли воевать съ Филиппомъ и Антіохомъ въ Греціи, чтобы не имѣть съ ними дѣла въ Италіи. Они имѣли въ то время возможность избѣжать войны, какъ съ тѣмъ, такъ и съ другимъ, но они не желали, и не по душѣ имъ было то правило, которое не сходитъ съ устъ теперешнихъ мудрецовъ: *старайся оттянуть время*; напротивъ, они держались того, которое внушали имъ ихъ доблесть и благоразуміе. Вѣдь время бываетъ чревато всякимъ: оно можетъ принести съ собой какъ добро, такъ и зло, какъ зло, такъ и добро.

Но вернемся къ Франціи и разсмотримъ, сдѣлала ли она что-нибудь изъ того, о чемъ мы сейчасъ разсуждаемъ. Я буду говорить не о Карлѣ, а о Людовикѣ, такъ какъ его образъ дѣйствій болѣе извѣстенъ, вслѣдствіе того, что онъ дольше держался въ Италіи. Не трудно замѣтить, что онъ дѣлалъ какъ разъ обратное тому, что слѣдуетъ дѣлать, чтобы удержать за собой чужеземное государство. Короля Людовика привело въ Италію честолюбіе венеціанцевъ, которые хотѣли воспользоваться его приходомъ для захвата половины Ломбардіи. Я не хочу осуждать ни этотъ приходъ, ни

рѣшеніе принятое королемъ, ибо, желая утвердиться въ Италіи и не имѣя въ этой странѣ друзей, такъ какъ, вслѣдствіе поступковъ короля Карла, всѣ ворота были передъ нимъ заперты, онъ былъ вынужденъ принять ту дружбу, которую ему предлагали; и онъ преуспѣлъ бы въ своемъ замыслѣ если бы онъ не совершилъ столькихъ ошибокъ въ остальномъ своемъ поведеніи. Послѣ того, какъ король завоевалъ Ламбардію, онъ тотчасъ же пріобрѣлъ снова тотъ вѣсъ, котораго лишился было благодаря Карлу. Генуя пошла на уступки, Флорентинцы сдѣлались его друзьями, маркграфъ Мантуйскій, герцогъ Феррарскій, партія Бентивольи, графиня Фурли, властители Фаэнци, Пезара, Римино, Камерино, Піомбино, граждане Лукка, Пизы, Сьены — всѣ добивались его дружбы. И тогда венеціанцы могли убѣдиться въ опрометчивости принятаго ими рѣшенія: чтобы захватить двѣ области въ Ломбардіи, они сдѣлали короля властителемъ двухъ третей Италіи! И какъ легко было королю удержать свое положеніе въ Италіи, если бы онъ соблюдалъ вышеуказанныя правила, обезпечилъ бы безопасность и защиту всѣмъ своимъ друзьямъ, которые при своей многочисленности, слабости и запуганности (одни боялись Церкви, другіе венеціанцевъ) всегда были вынуждены итти съ нимъ рука объ руку; а при ихъ посредствѣ ему не трудно было бы обезопаситъ себя со стороны тѣхъ, кто еще имѣлъ значительную силу въ странѣ. Но лишь только онъ вступилъ въ Миланъ, какъ сдѣлалъ обратное этому, помогши папѣ Александру захватить Романью. И когда онъ принималъ это рѣшеніе, ему не пришло въ голову, что онъ

себя ослабляетъ, лишая себя друзей и тѣхъ, которые бросились ему въ объятія, а Церковь возвеличиваетъ, присоединяя къ духовной власти, которая сообщаетъ ей такой авторитетъ, еще и столь значительную свѣтскую. Сдѣлавъ одну ошибку, онъ былъ уже вынужденъ итти въ томъ же направленіи и дальше, такъ что въ концѣ концовъ, чтобы положить предѣлъ честолюбію Александра и не дать ему захватить Тосканы, ему пришлось самому явиться въ Италію. И мало ему было того, что онъ возвеличилъ Церковь и лишилъ себя друзей. Пожелавъ завладѣть королевствомъ неаполитанскимъ, онъ подѣлилъ его съ королемъ испанскимъ. И если раньше онъ одинъ былъ вершителемъ судебъ Италіи, то теперь онъ пригласилъ сюда товарища себѣ для того, чтобы честолюбцы и недовольные этой страны всегда могли найти прибѣжище у послѣдняго; имѣя возможность оставить въ этомъ королевствѣ прежняго короля въ качествѣ своего данника, онъ его низвергъ, чтобы замѣстить его тѣмъ, кто могъ бы изгнать его самаго.

Страсть къ завоеваніямъ есть явленіе весьма естественное и обычное, и всегда, когда ей слѣдуютъ люди, имѣющіе возможность слѣдовать ей, за это хвалятъ, а не порицаютъ; но когда они не имѣютъ возможности и все же стремятся къ завоеваніямъ во что бы то ни стало — это слѣдуетъ порицать, какъ ошибку. Если, поэтому, Францiя имѣла возможность со своими силами напасть на Неаполь— она должна была сдѣлать это, если же нѣтъ,—она не должна была дѣлить его. И если раздѣлъ Ломбардіи съ венеціанцами можетъ быть оправданъ тѣмъ, что благодаря ему она встала твердой ногой

въ Италіи, то этотъ послѣдній раздѣлъ заслуживаетъ порицанія, ибо не можетъ быть оправданъ подобной необходимостью.

Итакъ Людовикъ сдѣлалъ слѣдующія пять ошибокъ: уничтожилъ менѣе могущественныхъ, увеличилъ въ Италіи могущество и безъ того могущественнаго, призвалъ сюда чрезвычайно могущественнаго чужеземца: не поселился въ этой странѣ, не основалъ тамъ колоній. Эти ошибки могли бы и не оказать, при его жизни, своего пагубнаго дѣйствія, если бы онъ не сдѣлалъ шестой, захвативъ государство венеціанцевъ. Если бы онъ не возвеличилъ Церкви и не призвалъ испанцевъ въ Италію, для него имѣло бы смыслъ и было бы естественно принизить венеціанцевъ, но разъ уже рѣшившись на первое и второе, онъ ни въ коемъ случаѣ не долженъ былъ бы давать своего согласія на ихъ погибель. Вѣдь пока эти послѣдніе были могущественны, они не допустили бы никого до захвата Ломбардіи: какъ венеціанцы могли бы согласиться на это лишь подъ тѣмъ условіемъ, чтобы пріобрѣсти власть надъ захватчикомъ, такъ и никому не было бы охоты отнимать Ломбардію у Франціи, чтобы передать ее Венеціи, пойти же на нихъ вмѣстѣ ни у кого не хватило бы духу.

И если кто-нибудь скажетъ: король Людовикъ уступилъ Александру Романью и Испаніи Неаполь, чтобы избѣжать войны, то я сошлюсь въ отвѣтъ на вышеизложенныя соображенія о томъ, что никогда не слѣдуетъ въ избѣжаніе войны допускать развитіе какого-нибудь зла, ибо войны не избѣгаютъ такимъ образомъ, но лишь отлагаютъ ее къ своей же невыгодѣ. И если еще укажутъ на обѣщаніе,

данное королемъ папѣ, помочь ему въ его затѣѣ за расторженіе брака и за кардинальскую шапку архіепископа Руанскаго, то отвѣтъ мой будетъ въ дальнѣйшемъ изложеніи, гдѣ я буду говорить объ обѣщаніяхъ Князей и о томъ, какъ ихъ слѣдуетъ исполнять. Итакъ король лишился Ломбардіи вслѣдствіе того, что не слѣдовалъ ни одному изъ правилъ, соблюдаемыхъ тѣми, кто захватилъ какія-нибудь страны и желаетъ удержать ихъ. Во всемъ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго, — все вполнѣ понятно и въ порядкѣ вещей.

Объ этомъ предметѣ я, въ бытность мою въ Нантѣ, имѣлъ бесѣду съ кардиналомъ Роанскимъ, когда сынъ папы Александра Валентино, извѣстный подъ именемъ Цезаря Борджіо, захватилъ Романью. На слова кардинала, что итальянцы ничего не смыслятъ въ военномъ дѣлѣ, я отвѣтилъ, что за то французы ничего не смыслятъ въ государственныхъ дѣлахъ, ибо въ противномъ случаѣ они не допустили бы, чтобы Церковь достигла такого величія. И опытъ показалъ, что Церковь и Испанія своимъ величіемъ въ Италіи обязаны Франціи, и онѣ же были причиной ея погибели. Изъ этого вытекаетъ общее правило, никогда или почти никогда не обманывающее: тотъ, кто является причиной могущества другого, уготовляетъ свою погибель, ибо это могущество онъ создаетъ или своей энергіей, или своей силой, а и то, и другое внушаетъ опасеніе тому, кто сталъ могущественнымъ.

Глава IV.

Почему царство Дарія, завоеванное Александромъ, не возмутилось противъ преемниковъ Александра послѣ его смерти.

Если сообразить тѣ трудности, съ какими сопряжено удержаніе вновь пріобрѣтеннаго государства, то событія послѣ смерти Александра, ставшаго въ теченіе немногихъ лѣтъ властителемъ Азіи и умершаго почти тотчасъ же по завоеваніи ея, могутъ показаться удивительными. Повидимому, при такомъ положеніи вещей слѣдовало бы ожидать, что все царство возмутится; однако его преемники удержали его за собой, и при этомъ имъ не приходилось имѣть дѣла съ другими трудностями, кромѣ тѣхъ, которыя породило ихъ собственное честолюбіе. Я отвѣчаю, что всѣ княжества, о которыхъ только сохранилось воспоминаніе, управлялись однимъ изъ двухъ способовъ: или однимъ Княземъ, причемъ всѣ остальные находятся на положеніи холоповъ, только по милости и соизволенію Князя помогающихъ, въ качествѣ слугъ, управлять этимъ царствомъ, или Княземъ и баронами, которые обязаны своимъ саномъ не милости властителя, но древности своего происхожденія. Эти бароны имѣютъ собственныя государства и подданныхъ, которые признаютъ ихъ своими властителями и питаютъ къ нимъ естественную склонность. Въ тѣхъ государствахъ, которыя управляются Княземъ и холопами, Князь имѣетъ большій

авторитетъ, ибо во всей его странѣ нѣтъ никого, кромѣ него, кто признавался бы высшимъ, и если повинуются кому-нибудь другому, то только какъ его слугамъ и ставленникамъ, и не чувствуютъ къ нимъ особенной любви. Примѣромъ этихъ двухъ различныхъ видовъ управленія являются въ наше время Турція и Франція. Вся турецкая монархія управляется однимъ властителемъ, остальные являются его холопами; раздѣливъ свое царство на санджаки, онъ посылаетъ туда различныхъ администраторовъ и смѣняетъ ихъ по своему усмотрѣнію. Король же Франціи окруженъ множествомъ властителей, издавна признаваемыхъ ихъ подданными и любимыхъ ими; они имѣютъ свои прерогативы, на которыя король не можетъ посягать безъ опасности для себя.

Кто разсмотритъ теперь то и другое государство, тотъ найдетъ трудности въ пріобрѣтеніи такого государства, какъ Турція; но разъ оно было побѣждено, то удержать его очень легко. Причины трудностей, сопряженныхъ съ захватомъ турецкаго царства, заключаются въ томъ, что завоеватель не можетъ ни быть призваннымъ кѣмъ-либо изъ занимающихъ высокое положеніе въ этомъ царствѣ, ни надѣяться на облегченіе своего предпріятія вслѣдствіе возмущенія приближенныхъ султана; причины этого указаны нами выше. Такъ какъ всѣ являются холопами султана, обязанными ему, то привлечь ихъ на свою сторону трудно, и если бы даже это удалось, то все же изъ этого было бы мало проку, ибо, по указаннымъ мною основаніямъ, они не могутъ увлечь за собой народъ. Поэтому нападающему на Турцію необходимо имѣть въ виду, что онъ

найдетъ ее единодушной, и ему слѣдуетъ болѣе надѣяться на свои собственныя силы, нежели на неурядицы въ средѣ другихъ. Но разъ она побѣждена и потерпѣла въ открытомъ бою такое пораженіе, что уже не можетъ выставить войска— все вниманіе завоевателя можетъ сосредоточиться на династіи Князя. Если она будетъ искоренена, то опасаться болѣе уже некого, ибо другіе не располагаютъ довѣріемъ народа. И какъ побѣдитель до побѣды не могъ разсчитывать на народныя массы, такъ послѣ побѣды ему не приходится ихъ опасаться.

Обратное этому происходитъ въ королевствахъ, управляемыхъ на подобіе Франціи: въ такое королевство очень легко проникнуть, привлекши на свою сторону какого-нибудь барона, ибо всегда имѣются недовольные и стремящіеся къ новымъ порядкамъ. Послѣдніе, по указаннымъ выше основаніямъ, могутъ открыть путь въ государство и облегчить побѣду; но, чтобы воспользоваться ея плодами, придется встрѣтиться съ безчисленными затрудненіями, какъ со стороны тѣхъ, которые помогали, такъ и со стороны угнетаемыхъ. И недостаточно только искоренить династію Князя, ибо останутся другіе властители, которые будутъ руководить новыми переворотами. И если не удастся ни удовлетворить, ни искоренить ихъ, то государство будетъ потеряно при первомъ же представившемся случаѣ.

Если теперь задать себѣ вопросъ, какого рода правленіе было въ государствѣ Дарія, то не трудно будетъ установить его сходство съ управленіемъ турецкаго царства; и потому Александру пришлось имѣть его всецѣло противъ себя и разбить

на голову. Послѣ же побѣды и смерти Дарія это государство, по указаннымъ выше основаніямъ, было обезпечено за Александромъ. И его преемники, если бы жили въ согласіи, могли бы править этимъ государствомъ сложа руки: во всемъ царствѣ не возникало никакихъ смутъ, кромѣ возбуждаемыхъ ими самими. Но государствомъ со строемъ, какъ во Франціи, нельзя владѣть съ такимъ спокойствіемъ. Частыя возстанія противъ Римлянъ въ Испаніи, Франціи и Греціи, объясняются именно этимъ, т. е. большимъ числомъ княжествъ въ этихъ государствахъ. Пока сохранялась память о нихъ, римляне не могли быть увѣрены въ прочности этого владѣнія; когда же память о нихъ угасла, римляне, благодаря своей мощи и продолжительности господства, встали тамъ твердой ногой. И хотя впослѣдствіи, въ междоусобной войнѣ римлянъ, каждая сторона старалась удержать за собой тѣ части этихъ провинцій, въ которыхъ ея вліяніе было наиболѣе значительно, однако онѣ не признавали никого, кромѣ римлянъ, такъ какъ династія ихъ прежнихъ властителей угасла.

Кто приметъ все это въ соображеніе, тотъ не будетъ удивляться той легкости, съ которой Александръ могъ удерживать свои азіатскія владѣнія, и тѣмъ трудностямъ, съ которыми приходилось бороться другимъ при удержаніи пріобрѣтеннаго, какъ, напримѣръ, Пирру и многимъ другимъ; и это объясняется не большей или меньшей доблестью побѣдителя, а различіемъ побѣжденныхъ.

Глава V.

Какимъ образомъ слѣдуетъ управлять городомъ или княжествомъ, которые до своего завоеванія жили по своимъ законамъ.

Если пріобрѣтаются государства, привычныя жить по своимъ законамъ и свободно, то можно указать на три способа удержанія ихъ. Первый—это совершенно разорить ихъ, второй—поселиться тамъ самолично, третій—предоставить имъ жить по своимъ законамъ, обложивъ ихъ податью и поставивъ во главѣ правленія немногихъ лицъ, которыя бы сохранили для Князя дружбу этихъ государствъ. Вѣдь, такъ какъ этотъ образъ правленія созданъ Княземъ, то составляющія его лица знаютъ, что имъ не устоять безъ дружбы и помощи Князя, и потому имъ надлежитъ всячески поддерживать его; городъ, привыкшій жить свободно, легче удержать при посредствѣ его гражданъ, нежели какимъ-либо другимъ способомъ, если только не хотятъ сравнять его съ землей. Примѣромъ могутъ служить Спарта и Римъ. Спарта удерживала Афины и Ѳивы, установивъ тамъ правленіе немногихъ; и однако же она лишилась ихъ. Римляне, чтобы удержать Капую, Карфгенъ и Нумидію, разрушили ихъ и ихъ не лишились. Грецію они хотѣли удержать почти тѣмъ же способомъ, что и спартанцы, сдѣлавъ ее свободной и оставивъ ей ея собственные законы. Однако этотъ образъ дѣйствій не увѣнчался успѣхомъ, такъ что они были вынуждены для того,

чтобы удержать эту провинцію, разрушить много городовъ въ ней, ибо на самомъ дѣлѣ нѣтъ вѣрнаго способа упрочить за собой обладаніе городомъ, кромѣ его разоренія. И кто, захвативъ власть надъ городомъ, привычнымъ жить свободно, не разоряетъ его, тотъ долженъ ждать отъ него своей гибели, ибо всегда этотъ городъ будетъ возставать во имя свободы и своихъ прежнихъ учрежденій, забыть которыя не заставятъ его ни теченіе времени, ни благодѣянія; и что бы ни дѣлать, какія бы мѣры ни принимать, если только не разрознить жителей и не разсѣятъ ихъ,—никогда не исчезнетъ память о свободѣ и прежнихъ учрежденіяхъ, но будетъ вновь воскресать при всякомъ представляющемся случаѣ, какъ было съ Пизой послѣ многихъ лѣтъ флорентійскаго ига. Но когда городъ или страна привыкли жить подъ властью Князя, династія котораго теперь угасла, то, съ одной стороны привыкши повиноваться, съ другой не имѣя прежняго Князя, не умѣя согласиться относительно выбора новаго и не будучи способны къ свободной жизни, они не такъ-то легко берутся за оружіе, и Князю не трудно поладить съ ними и обезопасить себя съ ихъ стороны. Въ республикахъ же больше жизни, больше ненависти, больше желанія мести: въ нихъ никогда не угасаетъ и не можетъ угаснуть память о прежней свободѣ. Поэтому болѣе вѣрнымъ способомъ будетъ или разорить ихъ, или въ нихъ поселиться.

Глава VI.

О новыхъ княжествахъ, пріобрѣтаемыхъ собственнымъ оружіемъ и доблестью.

Пусть никто не удивляется тому, что, ведя рѣчь о всецѣло новыхъ княжествахъ, о Князѣ и государствѣ, я буду приводить самые возвышенные примѣры. Вѣдь люди всегда идутъ по путямъ, протореннымъ другими, и въ своихъ дѣйствіяхъ имъ подражаютъ, хотя и не въ силахъ ни всецѣло держаться пути другихъ, ни сравняться доблестью съ тѣми, кому они подражаютъ. Поэтому благоразумный человѣкъ долженъ всегда избирать пути, проторенные великими людьми, и подражать тѣмъ, кто выдавался своимъ превосходствомъ, для того чтобы его доблесть, если бы и не сравнилась со своими образцами, по крайней мѣрѣ хотя бы отдаленно напоминала ихъ. Онъ долженъ поступать, какъ благоразумные стрѣлки, которые (если цѣль, куда они думаютъ попасть, представляется имъ слишкомъ отдаленной), даже и зная силу своего лука, все же берутъ прицѣлъ много выше намѣченнаго мѣста, не для того чтобы своей силой или стрѣлой достичь такой высоты, но чтобы, благодаря столь высокому прицѣлу, попасть въ цѣль.

Итакъ я говорю, что во всецѣло новыхъ княжествахъ, гдѣ правитъ новый Князь, представляется болѣе или менѣе трудностей для ихъ удержанія въ зависимости отъ большей или меньшей доблести пріобрѣтшаго ихъ. И такъ какъ уже тотъ фактъ,

что частный человѣкъ дѣлается Княземъ, предполагаетъ доблесть или счастье, то на первый взглядъ какъ то, такъ и другое во многомъ облегчаетъ трудность. Однако же тѣ, которые меньше были обязаны счастью удерживались дольше. Улучшаетъ нѣсколько положеніе дѣла то обстоятельство, что Князь, не имѣя другихъ государствъ, волей-неволей долженъ жить во вновь пріобрѣтенномъ.

Но чтобы перейти къ тѣмъ, которые сдѣлались Князьями не благодаря счастью, а благодаря личной доблести, я укажу, какъ на достойнѣйшихъ, на Моисея, Кира, Ромула, Тезея и т. п. И хотя о Моисеѣ не приходится распространяться, такъ какъ онъ былъ лишь исполнителемъ Божественныхъ велѣній, однако заслуживаетъ удивленія въ немъ хотя бы бета благодать, которая сдѣлала его достойнымъ бесѣды съ Богомъ. Но если обратиться къ Киру и другимъ, которые пріобрѣтали и основывали царства, то окажется, что всѣ они достойны удивленія, и, разсмотрѣвъ ихъ образъ дѣйствій и учрежденія, мы найдемъ послѣднія тожественными съ Моисеевыми, хотя Моисей и имѣлъ столь Великаго Наставника. Вникая въ ихъ дѣянія и жизнь, мы ясно видимъ, что счастью они обязаны лишь извѣстнымъ стеченіемъ обстоятельствъ, давшимъ имъ матеріалъ, которому они могли придать форму по своему усмотрѣнію; и безъ этого стеченія обстоятельствъ угасла бы доблесть ихъ духа, безъ доблести же оказалось бы тщетнымъ самое стеченіе обстоятельствъ. Поэтому для Моисея было необходимо застать народъ Израиля въ рабствѣ и въ угнетенія у египтянъ, для того чтобы желаніе сбросить иго побудило народъ слѣдовать ему: чтобы

Ромулъ сдѣлался царемъ Рима и основателемъ новой родины, должно было случиться такъ, что для него не оказалось мѣста въ Альбѣ, и онъ былъ выброшенъ тотчасъ же по своемъ рожденіи; Киръ долженъ былъ найти персовъ недовольными мидійскимъ владычествомъ, а мидійцевъ изнѣженными и потерявшими мужество вслѣдствіе долгаго мира; Тезей не могъ бы проявить своей доблести, если бы не нашелъ аѳинянъ въ разсѣяніи. Итакъ, подобныя стеченія обстоятельствъ сдѣлали этихъ людей счастливыми, а ихъ необычайная доблесть дала имъ возможность оцѣнить такое положеніе вещей; благодаря чему ихъ отечество прославилось и сдѣлалось наисчастливѣйшимъ. Тѣ, которые дѣлаются Князьями путемъ доблести (подобно вышеупомянутымъ), съ трудомъ пріобрѣтаютъ княжества, но легко ихъ удерживаютъ: и тѣ трудности, кои имъ приходится преодолѣвать при пріобрѣтеніи княжествъ, объясняются отчасти новыми учрежденіями и порядками, которые имъ приходится вводить, чтобы положить основаніе своей власти и безопасности. И нужно имѣть въ виду, что нѣтъ дѣла болѣе труднаго, болѣе сомнительнаго въ отношеніи успѣха, болѣе рискованнаго, чѣмъ введеніе новыхъ учрежденій. Вѣдь кто берется за это имѣетъ противъ себя всѣхъ, кому прежнія учрежденія были выгодны; тѣ же, кому будутъ выгодны новыя, лишь вяло защищаютъ его: эта вялость объясняется отчасти страхомъ передъ противниками, на сторонѣ которыхъ законъ, отчасти же недовѣрчивостью людей, которые не вѣрятъ въ благотворность новой затѣи, пока не убѣдятся въ этомъ на опытѣ. Въ результатѣ оказывается, что враги каж-

дый разъ, какъ они имѣютъ возможность напасть, съ ожесточеніемъ дѣлаютъ это, сторонники же защищаютъ вяло, такъ что рискуешь погибнуть вмѣстѣ съ ними.

Чтобы надлежащимъ образомъ разобрать этотъ вопросъ, слѣдуетъ разсмотрѣть, самостоятельны ли эти новаторы, или же зависятъ отъ другихъ, т. е. приходится ли имъ для проведенія своихъ плановъ просить, или же они могутъ принуждать? Въ первомъ случаѣ они кончаютъ всегда плохо и не добиваются никакихъ результатовъ; когда же они зависятъ лишь отъ самихъ себя и имѣютъ возможность принуждать, они рѣдко когда проигрываютъ дѣло. Этимъ объясняется тотъ фактъ, что всѣ вооруженные пророки побѣждали, безоружные же гибли, ибо, кромѣ вышеизложенныхъ соображеній, нужно еще имѣть въ виду, что народъ измѣнчивъ по природѣ и что его легко убѣдить въ чемъ-нибудь, но трудно удержать въ этомъ убѣжденіи. И потому надлежитъ быть наготовѣ, чтобы, если народъ перестанетъ вѣрить, его можно было бы заставить вѣрить силою. Моисей, Киръ, Тезей и Ромулъ, будь они безоружны, не могли бы заставить соблюдать свои установленія, какъ то и случилось въ наше время съ братомъ Джироламо Савонарола[1]), который погибъ подъ разва-

---

[1]) Монахъ-доминиканецъ Джироламо (или Іеронимо) Саванарола (1452—98) одна изъ крупнѣйшихъ фигуръ флорентійской исторіи. Преисполненный сознанія своей провиденціальной миссіи нравственнаго возрожденія Италіи, онъ выдаетъ себя за пророка и посланца Неба и въ цѣломъ рядѣ проповѣдей бичуетъ порочность папъ и Рима — этого „современнаго Вавилона“. Послѣ изгнанія Петра Медичи въ рукахъ Саванаролы фактически сосре-

линами своихъ новыхъ учрежденій, какъ только народныя массы перестали ему вѣрить; онъ же не могъ ничего сдѣлать ни для того, чтобы удержать ранѣе увѣровавшихъ, ни чтобы заставить вѣрить невѣрующихъ.

Итакъ, подобнымъ людямъ предстоятъ великія трудности, но всѣ опасности угрожаютъ имъ лишь на пути къ цѣли и ихъ они должны преодолѣть своею доблестью. Преодолѣвъ же ихъ и начавъ пользоваться уваженіемъ, они, по искорененіи всѣхъ тѣхъ, кто по своему положенію могъ бы питать къ нимъ зависть, остаются могущественными, наслаждаясь безопасностью, почетомъ и счастьемъ.

Къ примѣрамъ столь возвышеннымъ я хочу присоединить еще одинъ болѣе скромный, соотвѣтствующій однако, нѣкоторымъ образомъ, вышеприведеннымъ, и думаю, что онъ сдѣлаетъ излишними всѣ подобные. Я говорю о Гіеронѣ Сира-

---

дотачивается вся полнота власти, которой онъ пользуется, чтобы установить въ Флоренціи республиканскій строй съ сильнымъ теократическимъ оттѣнкомъ („королемъ" Флоренціи онъ объявляетъ Іисуса Христа). Строгій аскетъ, С. съ церковной кафедры громитъ приверженность Флорентинцевъ къ играмъ, развлеченіямъ, нарядамъ, настаиваетъ на сожженія языческихъ авторовъ и произведеній искусства. Пламень его рѣчи и непреклонная сила воли были настолько обаятельны, что Флоренція какъ бы преображается. Однако такое состояніе длилось недолго, и, когда послѣ неоднократныхъ тщетныхъ попытокъ подкупить смѣлаго обличителя кардинальской шапкой, Римъ рѣшается принять свои мѣры— громадная толпа равнодушно смотритъ на казнь своего недавняго кумира. Написанный С. въ защиту своихъ учрежденій нравственно-политическій трактатъ: „О правленіи и законодательствѣ города Флоренціи" говоритъ о сильномъ вліяніи Аристотеля и Ѳомы Аквинскаго.

Прим. перев.

кузскомъ. Этотъ послѣдній изъ частнаго человѣ сдѣлался Княземъ Сиракузъ и однако счастью он былъ обязанъ лишь извѣстнымъ стеченіемъ обстоятельствъ. Угнетенные сиракузцы избрали его своимъ военачальникомъ, а затѣмъ онъ, въ силу своихъ заслугъ, сдѣлался ихъ Княземъ. Но еще въ частной жизни онъ отличался такой доблестью, что всѣ писавшіе о немъ въ одинъ голосъ говорятъ, что для того, чтобы быть царемъ, ему не хватало лишь царства. Онъ уничтожилъ прежнее войско,— создалъ новое, отказался отъ прежнихъ союзовъ,— заключилъ новые. И, имѣя союзниковъ и преданныхъ ему солдатъ, онъ могъ на подобной основѣ воздвигнуть любое зданіе, такъ что добиться своего ему стоило большихъ трудовъ, сохранить же пріобрѣтенное было уже легко.

Глава VII.

О новыхъ княжествахъ, пріобрѣтаемыхъ съ помощью чужихъ войскъ или благодаря счастью.

Тѣмъ, которые изъ частныхъ людей становятся Князьями только благодаря счастью, не стоитъ большихъ усилій стать Князьями, но весьма значительныхъ удержать это положеніе. Они не встрѣчаютъ трудности во время пути, точно пролетаемомъ ими, но всѣ трудности не замедлятъ проявиться, лишь только они достигнутъ цѣли. Къ таковымъ относятся тѣ, которымъ уступлено какое-нибудь госу-

дарство или за деньги, или по милости уступившаго. Такъ Дарій сажалъ Князьями въ городахъ Іоніи и Геллеспонта разныхъ лицъ, чтобы они управляли ими для его безопасности и славы; точно также часто становились императорами тѣ, которые раньше были частными людьми и добились власти путемъ подкупа солдатъ. Такія лица находятся въ полной зависимости отъ настроенія и счастья тѣхъ, кто возвеличилъ ихъ (а и то и другое суть вещи весьма измѣнчивыя и непостоянныя); они и не умѣютъ, и не могутъ удержать своего положенія. Не умѣютъ потому, что трудно ждать, чтобы умѣлъ повелѣвать тотъ, кто всегда жилъ, какъ частный человѣкъ, если только онъ не обладаетъ великими дарованіями и доблестью; не могутъ потому, что не имѣютъ войскъ, привязанныхъ къ нимъ и имъ вѣрныхъ. Далѣе, государства, внезапно возникшія, какъ и все то въ природѣ, что быстро произрастаетъ, не могутъ имѣть настолько прочныхъ корней, чтобы не быть опрокинутыми первой же бурей; развѣ только эти люди, внезапно ставшіе Князьями, обладаютъ такой доблестью, что имъ удается тотчасъ подготовить себя къ сохраненію того, что счастье дало имъ въ руки, и заложить, уже ставъ Князьями, тѣ основы, которыя другіе закладываютъ до этого.

Я хочу привести для того и другого, т. е. относительно того, какъ становятся Княземъ путемъ доблести или путемъ счастья, два примѣра, имѣвшихъ мѣсто еще на нашей памяти: я говорю о Франческо Сфорца и Цезарѣ Борджіа. Франческо, путемъ подлежащихъ средствъ и благодаря великой доблести, изъ частнаго человѣка сдѣлался

герцогомъ Миланскимъ и то, что онъ пріобрѣлъ съ громадной затратой силъ, онъ удержалъ съ незначительными усиліями. Съ другой стороны Цезарь Борджіа, называемый обыкновенно герцогомъ Валентино, пріобрѣлъ государство благодаря счастью своего отца и лишился его, лишившись поддержки со стороны отца, несмотря на то, что съ его стороны были приложены всѣ старанія и сдѣлано все то, что долженъ былъ сдѣлать благоразумный и доблестный человѣкъ, для того чтобы пустить корни въ государствахъ, которыя достались ему благодаря чужому оружію и счастью. Какъ сказано выше, тотъ, кто заранѣе не заложилъ основъ, могъ бы при великой доблести заложить ихъ впослѣдствіи; однако это сопряжено съ большими трудностями для строителя и съ опасностями для зданія.

Если разсмотрѣть весь образъ дѣйствій герцога, то нельзя не убѣдиться въ томъ, сколь прочныя основы заложилъ онъ для своего будущаго могущества; и я считаю нелишнимъ напомнить о нихъ, ибо я затруднился бы дать новому Князю лучшія предписанія, нежеля примѣры его дѣяній. И если его учрежденія не помогли ему, то это объясняется чрезвычайной и необыкновенной враждебностью судьбы, а не его виною. Александру VI, желавшему возвеличить своего сына-герцога, предстояло встрѣтиться со многими затрудненіями въ настоящемъ и будущемъ. Во-первыхъ, онъ не видѣлъ пути, слѣдуя которому, онъ могъ бы сдѣлать герцога властителемъ какого-нибудь нецерковнаго государства; онъ зналъ также, что, если бы ему задумалось лишить Церковь какого-нибудь государства, то про-

тивъ этого запротестовали бы герцогъ Миланскій и венеціанцы, ибо Фаэнца и Римино были уже подъ покровительствомъ венеціанцевъ. Кромѣ того онъ видѣлъ, что боевыя силы Италіи и именно тѣ, коими онъ могъ бы воспользоваться, находятся въ рукахъ тѣхъ, кому слѣдовало бы опасаться возвышенія папы, и поэтому онъ не могъ на нихъ положиться: всѣ онѣ находились въ распоряженіи партій Орсини, Колонна и ихъ приверженцевъ. Для него, слѣдовательно, было необходимо кореннымъ образомъ измѣнить положеніе вещей и натравить другъ на друга государства Италіи, чтобы получить возможность завладѣть частью ихъ. Сдѣлать это было ему не трудно, такъ какъ въ это время венеціанцы, побуждаемые другими причинами, собирались призвать французовъ въ Италію, чему онъ не только не воспрепятствовалъ, но даже поспособствовалъ, расторгнувъ прежній бракъ короля Людовика. Итакъ, король явился въ Италію съ помощью венеціанцевъ и съ согласія папы, и едва онъ занялъ Миланъ, какъ Александръ уже получилъ отъ него отрядъ для захвата Романьи, что ему и удалось вслѣдствіе громкаго имени короля. Послѣ захвата Романьи и униженія партіи Колонна, герцогу, желавшему удержать Романью и продолжать свои завоеванія, мѣшали два обстоятельства: во-первыхъ его войска, въ вѣрности которыхъ онъ сомнѣвался, во-вторыхъ, воля Франціи, т. е. онъ боялся, что Орсини, которыми онъ пользовался, оставятъ его и не только воспрепятствуютъ его дальнѣйшимъ захватамъ, но даже отнимутъ у него уже пріобрѣтенное, и что король также сдѣлаетъ съ нимъ нѣчто вродѣ этого. Орсини уже выказали себя, когда

послѣ завоеванія Фаэнцы онъ пошелъ на Болонью; онъ видѣлъ, какъ неохотно двинулись они въ этотъ походъ. Что касается короля, то его намѣренія сдѣлались для герцога ясными, когда, послѣ завладѣнія герцогствомъ Урбино, онъ двинулся было на Тоскану: король заставилъ его отказаться отъ этого предпріятія; поэтому герцогъ рѣшилъ не зависѣть болѣе отъ чужого счастья и войска. Прежде всего онъ ослабилъ партію Орсини и Колонна въ Римѣ, перетянувъ всѣхъ ихъ приверженцевъ-дворянъ на свою сторону и сдѣлавъ ихъ своими дворянами. Онъ опредѣлилъ имъ жалованье, удостаивалъ ихъ, смотря по дарованіямъ, назначеніемъ на высокіе посты по гражданской и военной службѣ, такъ что черезъ нѣсколько мѣсяцевъ ихъ привязанность къ партіи угасла и обратилась всецѣло на личность герцога. Послѣ этого онъ сталъ выжидать случая уничтожить Орсини, какъ раньше разсѣялъ приверженцевъ дома Колонна. Случай представился ему хорошій и воспользовался онъ имъ еще лучше.

Орсини, замѣтившіе, когда было уже поздно, что возвышеніе герцога и Церкви равнозначно ихъ гибели, собрались на съѣздъ у Маджіоне въ Перуджино. Здѣсь зародились возстаніе Урбино, смута въ Романьи и безконечныя опасности для герцога, которыя онъ всѣ преодолѣлъ съ помощью французовъ. Возстановивъ свою славу, онъ, не желая довѣряться ни Франціи, ни другимъ чужеземнымъ войскамъ, обратился къ хитрости. Ему удалось до такой степени скрыть свои намѣренія, что Орсини при посредствѣ синьёра Паволо (котораго герцогъ старался всяческими милостями привязать къ себѣ, даря ему одежду, деньги и коней) примирились съ

нимъ; и ихъ простота отдала ихъ въ Синигальѣ въ руки герцога. Такимъ образомъ, уничтоживъ ихъ главарей и сдѣлавъ ихъ приверженцевъ своими друзьями, герцогъ заложилъ весьма прочныя основы своему могуществу: ему принадлежала вся Романья съ герцогствомъ Урбино, и ему сочувствовало тамошнее населеніе, начавшее цѣнить свое благополучіе. И такъ какъ эта сторона дѣла достойна упоминанія и подражанія со стороны другихъ, то я не хочу обойти ее молчаніемъ.

Романья до ея захвата герцогомъ управлялась властителями слабыми, которые скорѣе грабили своихъ подданыхъ, нежели пеклись о нихъ, давали имъ болѣе повода къ разногласію, нежели согласію, и такимъ образомъ эта страна изобиловала разбоями, усобицами и всякаго рода нестроеніемъ. Герцогъ рѣшилъ, что для того, чтобы умиротворить ее и привести къ повиновенію власти, необходимо дать ей хорошее управленіе. Поэтому онъ поставилъ надъ ней мессера Римеро д'Орко, человѣка жестокаго и энергичнаго, и облекъ его самыми широкими полномочіями. Этотъ послѣдній въ короткое время умиротворилъ ее и привелъ къ единенію, чѣмъ пріобрѣлъ громкую извѣстность. Затѣмъ герцогъ рѣшилъ, что столь чрезмѣрная власть не соотвѣтствуетъ болѣе положенію, ибо онъ опасался сдѣлать ее ненавистною, и поэтому онъ учредилъ въ центрѣ страны гражданское судилище, гдѣ каждый городъ имѣлъ своего представителя, съ превосходнымъ предсѣдателемъ во главѣ. И такъ какъ для него не было тайной, что прежнія строгости породили нѣкоторое чувство ненависти къ нему, то, чтобы заставитъ населеніе совершенно

забыть это чувство и всецѣло привлечь его на свою сторону, онъ рѣшилъ показать, что, если и совершались какія-нибудь жестокости, то въ нихъ повиненъ не онъ, а суровый нравъ его ставленника. Воспользовшись представившимся случаемъ, онъ однажды утромъ приказалъ выставить его разсѣченный пополамъ трупъ на площади въ Чезено, а рядомъ положить колоду и окровавленный ножъ. Это ужасное зрѣлище дало удовлетвореніе населенію и въ то же время поразило его. Но вернемся къ нашему изложенію.

Послѣ того какъ герцогъ оказался весьма могущественнымъ и частью обезпеченнымъ отъ опасностей даннаго момента благодаря тому, что онъ преобразовалъ на свой ладъ воинское дѣло и уничтожилъ тѣ войска, которыми ему могли бы повредить сосѣди, послѣ этого, говорю я, его путь, если онъ хотѣлъ продолжать свои завоеванія, былъ загражденъ лишь страхомъ передъ Франціей, ибо онъ зналъ, что король, поздно понявшій свои ошибки, будетъ ему противодѣйствовать. Въ виду этого онъ началъ искать новыхъ союзниковъ и двусмысленно вести себя по отношеніи къ Франціи во время похода французовъ на королевство Неаполитанское противъ испанцевъ, осадившихъ Гаэту. Въ его намѣренія входило обезопасить себя съ ихъ стороны, что и удалось бы ему очень скоро, если бы былъ живъ Александръ. Таковы были мѣры, которыя онъ принялъ, имѣя въ виду текущія дѣла. Что же касается будущихъ, то его прежде всего долженъ былъ безпокоить вопросъ, будетъ ли дружелюбно относиться къ нему новый глава Церкви и не попытается ли онъ отнять то, что далъ Александръ.

Онъ думалъ, что здѣсь нужно дѣйствовать четырьмя путями. Во-первыхъ, уничтожить всю родню обездоленныхъ имъ властителей, чтобы лишить папу этихъ поводовъ. Во-вторыхъ, привлечь на свою сторону всѣхъ дворянъ Рима, чтобы при ихъ помощи, какъ было сказано, сдерживать папу. Въ третьихъ, расположить къ себѣ по-возможности коллегію кардиналовъ. Въ-четвертыхъ, пріобрѣсти еще до смерти папы такую власть, чтобы имѣть возможность отразить первый натискъ личными силами. Изъ этихъ четырехъ путей въ моментъ смерти Александра было пройдено три, да и четвертый былъ почти законченъ. Изъ обездоленныхъ имъ властителей онъ убилъ столько, сколько могъ, и лишь немногимъ удалось спастись; дворянъ Рима онъ привлекъ на свою сторону и въ коллегіи онъ имѣлъ за себя большую партію. Что же касается новыхъ пріобрѣтеній, то онъ намѣревался стать властителемъ Тосканы и уже обладалъ Перуджіо и Піомбино; Пиза же находилась подъ его покровительствомъ. И такъ какъ онъ не имѣлъ уже болѣе страха передъ Франціей (таковой ничѣмъ не оправдывался бы теперь, ибо испанцы отняли уже у французовъ королевство неаполитанское, такъ что и тѣ, и другіе вынуждены были добиваться его дружбы), то онъ напалъ бы на Пизу. Послѣ этого тотчасъ бы отдались ему Лукка и Сьена, частью изъ зависти къ флорентинцамъ, частью же изъ страха; флорентинцы были бы въ безвыходномъ положеніи. Если бы все это удалось ему (а оно должно было удаться въ тотъ самый годъ, когда умеръ Александръ), то онъ могъ бы отстоять себя самъ, не завися отъ чужой силы или счастья, но лишь отъ собственнаго

могущества и доблести. Но Александръ умеръ спустя пять лѣтъ съ того момента, какъ герцогъ обнажилъ шпагу. Онъ оставилъ его, когда упрочено было лишь государство Романьи, все же остальное висѣло въ воздухѣ, между двухъ могущественнѣйшихъ вражескихъ войскъ, больнымъ, при смерти. Но герцогъ обладалъ такой рѣшительностью и доблестью и такъ хорошо зналъ, чѣмъ можно людей привлечь на свою сторону и чѣмъ оттолкнуть отъ себя, настолько прочны были тѣ основы, которыя онъ заложилъ въ короткое время, что не имѣй онъ на своей шеѣ два вражескихъ войска или будь онъ здоровъ — онъ преодолѣлъ бы всѣ затрудненія.

А что заложенныя имъ основы были прочны, это явствуетъ изъ того, что Романья ждала его болѣе мѣсяца, въ Римѣ онъ и полуживой все же находился въ безопасности, и, хотя въ Римъ прибыли приверженцы Бальони, Вителли и Орсини, никто не пошелъ за ними противъ него; онъ могъ также добиться того, что, если и не сдѣлался папой тотъ, кого онъ хотѣлъ, то не сдѣлался и тотъ, кого онъ не хотѣлъ. Но если бы въ моментъ смерти Александра онъ былъ здоровъ, то все было бы легко для него. И въ дни избранія Юлія II онъ сказалъ мнѣ, что онъ думалъ обо всемъ, могущемъ произойти по смерти отца, и противъ всего нашелъ средства; но что онъ въ моментъ смерти отца самъ будетъ одной ногой въ гробу — это никогда не приходило ему въ голову.

Итакъ, соображая весь образъ дѣйствія герцога, я не нахожу основаній порицать его; мнѣ напротивъ представляется, что онъ можетъ быть выставленъ (какъ я и сдѣлалъ) въ качествѣ образца для

всѣхъ тѣхъ, которые достигли власти благодаря чужому счастью и войску. При величіи его духа и широтѣ замысловъ, онъ не могъ поступать иначе, и всѣ его планы потерпѣли крушеніе лишь вслѣдствіе краткости жизни Александра и его собственной хилости. Поэтому, кто считаетъ необходимымъ обезопасить себя въ своемъ новомъ княжествѣ отъ враговъ, пріобрѣсти друзей, побѣждать, какъ силой, такъ и хитростью, внушить народу и любовь къ себѣ, и страхъ, солдатамъ же послушаніе и уваженіе, уничтожить тѣхъ, которые могутъ или должны вредить, преобразовать старыя учрежденія на новый ладъ, быть справедливымъ и милостивымъ, великодушнымъ и щедрымъ, уничтожить ненадежное войско, создать на его мѣсто новое, поддерживать дружескія отношенія съ королями и князьями, такъ чтобы они съ радостью благопріятствовали и съ опаской оскорбляли—тотъ не сумѣетъ найти болѣе яркихъ образцовъ для подражанія, нежели дѣянія герцога.

Единственно, въ чемъ его можно было бы упрекнуть, такъ это въ избраніи Юлія II, гдѣ онъ сдѣлалъ дурной выборъ. Ибо, какъ я уже сказалъ, если онъ не могъ сдѣлать кого-нибудь папой по своему желанію, то онъ могъ бы помѣшать всякому сдѣлаться папой, и онъ никогда не долженъ былъ давать своего согласія на кандидатуру тѣхъ кардиналовъ, которыхъ онъ оскорблялъ или которые, ставъ первосвященниками, имѣли основаніе его бояться. Тѣ, которыхъ онъ обидѣлъ, были между прочими Санъ Пьетро адъ Винкула, Колонна, Санъ Джіорджіо, Асканіо. Всѣ остальные, добившись первосвященства, должны были его бояться, за ис-

ключеніемъ Руанскаго и Испанскихъ. Эти послѣдніе—вслѣдствіе своей сплоченности и взаимной поддержки, первый же—вслѣдствіе своего могущества, такъ какъ за его спиной стояла Франція. Такимъ образомъ герцогъ долженъ былъ прежде всего постараться, чтобы былъ избранъ испанецъ, а если бы онъ не могъ добиться этого, онъ долженъ былъ скорѣе согласиться на кандидатуру кардинала Руанскаго, а не Санъ Пьетро адъ Винкула. И ошибается тотъ, кто думаетъ, что новыя благодѣянія заставляютъ великихъ людей позабыть о старыхъ обидахъ. Итакъ, герцогъ сдѣлалъ въ этомъ выборѣ ошибку, что и было причиной его окончательной гибели.

Глава VIII.

О тѣхъ, которые добиваются княженія путемъ преступленія.

Такъ какъ частный человѣкъ можетъ сдѣлаться Княземъ (это не всегда можно объяснить счастемъ или доблестью) еще двумя способами, то, мнѣ кажется, ихъ не слѣдуетъ обойти молчаніемъ, хотя объ одномъ ихъ будетъ болѣе умѣстно распространяться тамъ, гдѣ рѣчь идетъ о республикахъ. Эти способы суть: 1) когда княженіе достигается какимъ-нибудь преступнымъ и злодѣйскимъ путемъ, или 2) когда частный гражданинъ становится Княземъ своей родины въ силу благосклонности къ

нему его согражданъ. Говоря о первомъ способѣ я приведу два примѣра, одинъ изъ древности, другой изъ современной жизни, не входя однако въ оцѣнку такого образа дѣйствій, ибо, полагаю, они сами по себѣ достаточны для тѣхъ, кто поставленъ въ необходимость подражать имъ.

Сициліанецъ Агаѳоклъ, бывшій ранѣе не только частнымъ человѣкомъ, но занимавшій самое низкое и презрѣнное положеніе, сдѣлался королемъ Сиракузъ. Онъ былъ сыномъ горшечника и во всѣхъ стадіяхъ своей карьеры велъ преступную жизнь. Однако же его преступленія были сопряжены съ такой доблестью души и тѣла, что, избравъ военную службу, онъ, пройдя всѣ посредствующія ступени, сдѣлался преторомъ Сиракузъ. Упрочившись въ этомъ положеніи и замысливъ стать Княземъ и насильственно и безъ обязательствъ къ другимъ владѣть тѣмъ, что ему было уступлено по соглашенію, онъ, сговорившись относительно своего плана съ Гамилькаромъ, который въ то время со своимъ войскомъ воевалъ въ Сициліи, собралъ однажды утромъ народъ и сенатъ Сиракузскій, какъ бы желая обсудить нѣкоторыя дѣла, касающіяся республики, и приказалъ своимъ солдатамъ по условленному знаку начать избіеніе всѣхъ сенаторовъ и наиболѣе богатыхъ гражданъ; по смерти же ихъ, онъ захватилъ и удержалъ за собой княжескую власть въ этомъ городѣ безъ всякихъ междуусобныхъ распрей. И хотя онъ былъ дважды разбитъ карфагенянами и въ концѣ концовъ осажденъ, онъ не только сумѣлъ защитить свой городъ, но, оставивъ часть своихъ людей, для защиты города, съ другой вторгся въ Африку и въ короткое время

освободилъ Сиракузы, доведя кареагенянъ до крайности: они были вынуждены заключить съ нимъ договоръ и удовлетвориться властью надъ Африкой, Сицилію же предоставить Агаѳоклу. Кто вникнетъ въ образъ дѣйствій и доблесть этого послѣдняго, тотъ не найдетъ ничего или же очень мало, что можно было бы приписать счастью, ибо, какъ сказано было выше, княжеской власти онъ добился не благодаря расположенію другого, а пройдя всѣ ступени воинской службы, которыя доставались ему цѣною многихъ трудовъ и опасностей, и поддерживалъ ее столь отважными и опасными предпріятіями. Однако же не можетъ быть названъ доблестнымъ человѣкъ, который избиваетъ своихъ согражданъ, предаетъ друзей, вѣроломенъ, безжалостенъ, чуждъ религіи; такого рода свойства могутъ быть полезны въ пріобрѣтеніи власти, но не славы. Если обратить вниманіе на доблесть Агаѳокла, съ которой онъ шелъ на опасности и находилъ изъ нихъ выходъ, и то величіе его духа, съ которымъ онъ переносилъ и преодолѣвалъ неблагопріятный оборотъ дѣлъ, то трудно было бы усмотрѣть, почему его слѣдовало бы поставить ниже самыхъ выдающихся полководцевъ. Однако его необузданная жестокость и безчеловѣчность вмѣстѣ съ безчисленными преступленіями не позволяютъ ему раздѣлить славы выдающихся людей. Итакъ, нельзя приписать счастью или доблести то, что онъ достигъ безъ того и безъ другого.

Въ наши дни, во время правленія Александра VI, Оливеротто до Ферри, оставшійся много лѣтъ тому назадъ малолѣтнимъ сиротой, былъ взятъ на воспитаніе своимъ дядей съ материнской стороны по

имени Джіованни Фоліани и въ первые же годы своей юности отданъ на военную службу подъ начальство Павла Вителли, дабы, освоившись вполнѣ съ военнымъ искусствомъ, онъ могъ впослѣдствіи добиться какого-нибудь виднаго положенія на военной службѣ. По смерти Павла, онъ служилъ подъ начальствомъ его брата Вителлоцо и въ самое короткое время, благодаря своимъ дарованіямъ и силѣ тѣла и души, онъ успѣлъ занять одно изъ первыхъ мѣстъ въ войскѣ. Но такъ какъ служба у другихъ казалась ему дѣломъ недостойнымъ его, то онъ рѣшилъ, въ разсчетѣ на помощь нѣкоторыхъ гражданъ Фермо, которымъ рабство ихъ страны было милѣй ея свободы, и на расположеніе Вителлоцо, захватить Фермо. Онъ написалъ Джіованни, что послѣ столькихъ лѣтъ, проведенныхъ внѣ дома, ему хотѣлось бы пріѣхать повидать его и свой городъ и ознакомиться въ нѣкоторой степени со своей вотчиной; такъ какъ всѣ его старанія были направлены на пріобрѣтеніе почестей, то, чтобы показать своимъ согражданамъ, что онъ не потерялъ времени втуне, ему хотѣлось бы обставить свой пріѣздъ нѣкоторой торжественностью и имѣть свиту изъ ста человѣкъ—его друзей и слугъ; онъ просилъ Фоліани позаботиться о томъ, чтобы жители Фермо приняли его съ почетомъ—каковая честь должна быть отнесена не только къ нему, но и къ самому Фоліани, ибо онъ является его воспитанникомъ. Фоліани сдѣлалъ по отношенію къ племяннику все должное и устроилъ ему торжественную встрѣчу со стороны жителей Фермо, принявъ его въ свой домъ. Проведя тамъ нѣсколько дней и позаботившись обо всемъ, что

было необходибо для его будущаго преступленія, Оливеротто устроилъ блестящій пиръ, на который пригласилъ Фоліани и всѣхъ выдающихся гражданъ Фермо. Когда покончили съ ѣдой и увеселеніями, обычными на такихъ пиршествахъ, Оливеротто намѣренно поднялъ серьезный разговоръ, заведя рѣчь о величіи папы Александра и его сына Цезаря и объ ихъ затѣяхъ. Когда Джіованни и другіе отвѣтили на его слова, онъ внезапно поднялся и, сказавъ, что о такихъ вещахъ слѣдуетъ говорить въ болѣе укромномъ мѣстѣ, пошелъ въ другую комнату, куда за нимъ послѣдовали Джіованни и другіе граждане. Но не успѣли они усѣсться, какъ выскочили спрятанные здѣсь солдаты, которые и покончили съ Джіованни и всѣми остальными. Послѣ этого избіенія Оливеротто сѣлъ на коня, поскакалъ по городу и осадилъ дворецъ, гдѣ находились высшія должностныя лица; страхъ побудилъ всѣхъ подчиниться ему и составить новое правительство, во главѣ котораго всталъ онъ въ качествѣ Князя. По смерти всѣхъ тѣхъ, кто вслѣдствіе своего недовольства могъ бы повредить ему, онъ укрѣпилъ свое положеніе новыми учрежденіями, какъ гражданскими, такъ и военными, такъ что, спустя годъ по захватѣ княжеской власти, онъ не только былъ въ безопасности въ городѣ Фермо, но сталъ страшенъ для своихъ сосѣдей. И побѣда надъ нимъ была бы столь же трудна, какъ и надъ Агаѳокломъ, если бы онъ не позволилъ Цезарю Борджіа провести себя, когда тотъ, какъ было упомянуто, захватилъ въ Синигаліи всѣхъ Орсини и Вителли; попавшись туда же, онъ, черезъ годъ по совершеніи отцеубійства, былъ удавленъ вмѣстѣ съ

Вителлоцо, своимъ наставникомъ въ доблести и преступленіяхъ.

У кого-нибудь можетъ возникнуть вопросъ, чѣмъ объяснить, что Агаѳоклъ и нѣкоторые ему подобные могли, послѣ безчисленныхъ предательствъ и жестокостей, долго жить въ безопасности въ своемъ отечествѣ и защищать себя отъ внѣшнихъ враговъ, причемъ граждане никогда не составляли противъ нихъ заговора, въ то время какъ многіе другіе, пускавшіе въ ходъ жестокіе средства, никогда не могли удержать государства даже въ мирное время, не говоря уже объ опасныхъ временахъ войны? Мнѣ думается, что это зависитъ отъ того, дурно или хорошо пользуются жестокостями. Хорошимъ (если только о дурномъ позволительно сказать: хорошее) можно назвать такое пользованіе ими, когда ихъ пускаютъ въ ходъ одинъ разъ въ виду необходимости обезопасить себя, а затѣмъ не настаиваютъ на нихъ, но обращаютъ къ возможно большей пользѣ для подданныхъ. Дурно пользуются ими въ томъ случаѣ, если въ началѣ онѣ незначительны, съ теченіемъ же времени скорѣе возрастаютъ, чѣмъ исчезаютъ. Тѣ, которые поступаютъ, какъ въ первомъ случаѣ, могутъ еще съ помощью Бога и людей найти выходъ изъ своего положенія, какъ было съ Агаѳокломъ. Другимъ же удержаться невозможно. Отсюда тотъ выводъ, что при захватѣ какого-нибудь государства завоеватель долженъ учесть всѣ жестокости и за одинъ разъ покончить съ ними, дабы не имѣть нужды возвращаться къ нимъ каждый день и, имѣя возможность не возобновлять ихъ, успокоить людей и привязать ихъ къ себѣ благодѣяніями. Кто по-

ступаетъ иначе по робости или неблагоразумію, тотъ всегда вынужденъ держать въ рукѣ мечъ и никогда не сможетъ положиться на своихъ подданныхъ, ибо эти послѣдніе, вслѣдствіе непрестанныхъ и всегда новыхъ обидъ, не могутъ чувствовать себя въ безопасности отъ него. Поэтому обиды должны наноситься всѣ заразъ, чтобы, при отсутствіи времени разобраться въ нихъ, они оскорбляли бы менѣе, благодѣянія же должны расточаться мало-по-малу, чтобы ихъ можно было оцѣнить.

Но важнѣе всего, чтобы между Княземъ и подданными установились такія отношенія, что никакое событіе—ни дурное, ни хорошее—не могло бы побудить его измѣниться: вѣдь въ неблагопріятный моментъ Князь окажется въ стѣсненныхъ обстоятельствахъ и дѣлать зло будетъ несвоевременно, добро же, которое онъ тогда сдѣлаетъ, не поможетъ ему, ибо оно считается вынужденнымъ и не вызоветъ ничьей признательности.

Глава IX.

О гражданскомъ княженіи.

Переходя теперь къ тому случаю, когда выдающійся гражданинъ становится Княземъ своей родины не путемъ преступленія или возмутительнаго насилія, но благодаря расположенію своихъ согражданъ (что можетъ быть названо гражданскимъ кня-

женіемъ, для достиженія котораго нѣтъ необходимости ни въ совершенной доблести, ни въ полномъ счастіи, но скорѣе нужна хитрость, сопровождаемая удачей). Къ подобному княженію ведетъ или расположеніе народа, или расположеніе знати. Вѣдь въ каждомъ городѣ имѣются эти два противоположныя теченія, объясняемыя тѣмъ, что народъ не желаетъ повиноваться знати и терпѣть притѣсненія отъ нея, знать же желаетъ повелѣвать народомъ и притѣснять его. Эти два противоположныхъ стремленія порождаютъ въ городахъ одно изъ трехъ слѣдствій: или княженіе, или свободу, или распущенность. Княженіе вводится или народомъ, или знатью, смотря по тому, какой изъ этихъ сторонъ представится случай къ этому. Такъ знать, убѣдившись въ томъ, что ей не сдержать натиска народа, начинаетъ сосредоточивать весь авторитетъ на одномъ изъ своей среды и дѣлаетъ его Княземъ, чтобы имѣть возможность подъ его сѣнью дать волю своимъ стремленіямъ. Народъ также, видя, что не можетъ противостоять знати, сосредоточиваетъ весь авторитетъ на одномъ и дѣлаетъ его Княземъ, чтобы имѣть въ немъ свою защиту. Тому, кто достигаетъ княженія съ помощью знати, удержаться труднѣе, нежели тому, кто достигъ его съ помощью народа, ибо въ первомъ случаѣ Князь оказывается окруженнымъ людьми, которые мнятъ себя равными ему и которыми онъ не можетъ поэтому ни распоряжаться, ни повелѣвать по своему усмотрѣнію. Достигшій же княженія благодаря расположенію народному оказывается единственнымъ въ своемъ родѣ, и кругомъ его нѣтъ никого, или

почти никого, кто не былъ бы готовъ подчиниться ему.

Кромѣ того нельзя, идя правымъ путемъ и не обижая другихъ, удовлетворить знать, а народъ— можно, ибо народъ преслѣдуетъ болѣе правыя цѣли, нежели знать, такъ какъ послѣдняя желаетъ притѣснять, народъ же не быть притѣсненнымъ. Къ этому присоединяется еще и то, что Князь никогда не можетъ обезопасить себя со стороны народа, ибо онъ многочисленъ, но можетъ сдѣлать это по отношенiи къ знати, такъ какъ численность ея незначительна. Худшее, чего можетъ ждать Князь отъ враждебнаго народа — это быть оставленнымъ имъ; но со стороны враждебной знати онъ не только долженъ ждатъ того, что она оставитъ его, но что и пойдетъ противъ него, ибо въ ней больше предусмотрительности и хитрости, и потому она всегда заблаговременно принимаетъ мѣры къ своему спасенiю и завязываетъ сношенiя съ тѣмъ, на чьей сторонѣ, по ея мнѣнiю, останется побѣда. Князь поневолѣ долженъ жить всегда съ однимъ и тѣмъ же народомъ, но можетъ вполнѣ обойтись безъ данной знати, ибо онъ каждый день можетъ создать и уничтожить ее, жаловать и разжаловать по своему изволенiю.

Чтобы лучше выяснить этотъ вопросъ, я говорю, что къ знати возможно двоякое отношенiе, смотря, именно, по тому, свидѣтельствуетъ ли ея поведенiе о томъ, что она всецѣло связываетъ свою судьбу съ судьбой Князя или же объ обратномъ. Если она связываетъ и притомъ не отличается хищничествомъ, то ее слѣдуетъ чтить и любить. Если же она не связываетъ, то здѣсь опять таки важны

двѣ возможности: 1) она дѣлаетъ это по малодушію и природной робости, и въ такомъ случаѣ Князь долженъ пользоваться ея услугами, особенно выдѣляя тѣхъ изъ ея среды, которые отличаются благоразуміемъ, ибо при благопріятныхъ обстоятельствахъ она есть для него источникъ почета, въ неблагопріятныхъ же ему нечего ея опасаться, 2) когда же она не связываетъ своей судьбы съ судьбой Князя съ разсчетомъ и въ честолюбивыхъ планахъ—то это является признакомъ того, что она болѣе помышляетъ о себѣ, нежели о Князѣ; онъ долженъ остерегаться ея, относясь къ ней, какъ къ явному врагу, ибо при неблагопріятномъ оборотѣ дѣлъ она всегда поспособствуетъ его гибели.

Такимъ образомъ тотъ, кто сталъ Княземъ благодаря расположенію народа, долженъ поддерживать съ нимъ дружескія отношенія; это будетъ ему нетрудно, такъ какъ народъ хочетъ лишь не быть притѣсняемымъ. Но кто сталъ Княземъ вопреки народу, благодаря расположенію знати, тотъ долженъ раньше всего постараться привлечь на свою сторону народъ, что ему будетъ легко, если онъ возьметъ его подъ свою защиту. И такъ какъ люди, получая добро отъ того, отъ кого ждали худа, болѣе привязываются къ своему благодѣтелю, то народъ становится болѣе преданнымъ, чѣмъ если бы Князь достигъ власти благодаря расположенію съ его стороны. Князь можетъ привлечь на свою сторону народъ многими способами, измѣняющимися смотря по обстоятельствамъ; поэтому здѣсь нельзя дать твердыхъ правилъ, и я оставляю это въ сторонѣ. Въ заключеніе скажу только, что Князь долженъ добиться дружбы народа; въ противномъ

случаѣ при неблагопріятномъ оборотѣ дѣла ему придется туго.

Набидъ, Князь Спартанскій, выдержалъ осаду всей Греціи и побѣдоноснаго римскаго войска, онъ защищалъ противъ нихъ свою родину и свое государство, причемъ ему достаточно было при приближеніи опасности принять извѣстныя мѣры лишь противъ очень немногихъ, что далеко не было бы достаточно, если бы народъ относился къ нему враждебно. И пусть никто на это мое мнѣніе не возражаетъ избитой поговоркой: *„кто строитъ свои планы въ разсчетѣ на народъ, тотъ строитъ на пескѣ“*, ибо она истинна въ томъ случаѣ, когда на него вздумаетъ опереться частный гражданинъ, который вобьетъ себѣ въ голову, что народъ освободитъ его, если онъ окажется въ рукахъ враговъ и должностныхъ лицъ; ему придется сильно разочароваться, какъ это случилось въ Римѣ съ Гракхами и въ Флоренціи съ мессеромъ Джіорджіо Скали. Но если опереться на него вздумаетъ Князь, который могъ бы повелѣвать и былъ бы человѣкомъ сильнымъ, неунывающимъ въ несчастіи, не упускающимъ случая принять должныя мѣры и своимъ мужествомъ и распоряженіями поддерживающимъ бодрость во всѣхъ, то онъ не будетъ обманутъ въ своихъ разсчетахъ на народъ и сможетъ убѣдиться, насколько прочны заложенныя имъ основы.

Власть такого Князя подвергается обыкновенно опасности, если онъ вздумаетъ перейти отъ гражданскаго строя къ абсолютизму. Дѣло въ томъ, что такіе Князья управляютъ обыкновенно или самолично, или при посредствѣ должностныхъ лицъ. Въ

послѣднемъ случаѣ ихъ власть болѣе слаба и непрочна, такъ какъ они находятся всецѣло въ рукахъ тѣхъ гражданъ, которые занимаютъ высшія должности. Эти послѣдніе очень легко могутъ, особенно при неблагопріятномъ оборотѣ дѣлъ, отнять у него власть, или оказывая ему противодѣйствіе, или же не повинуясь ему; Князю же въ моментъ опасности не время захватывать абсолютную власть, ибо граждане и подданые, привыкнувъ получать приказанія отъ должностныхъ лицъ, не станутъ въ такіе тревожные дни повиноваться его приказаніямъ, и всегда въ тяжелые времена у него будетъ недостатокъ въ людяхъ, на которыхъ онъ могъ бы положиться. Вѣдь такой Князь не можетъ основываться на томъ, что онъ видитъ въ спокойныя времена, когда граждане нуждаются во власти: тогда всѣ суетятся, всѣ сыпятъ обѣщаніями, каждый готовъ умереть за него, благо смерть далека. Но когда времена перемѣнятся къ худшему, и власть будетъ нуждаться въ гражданахъ, тогда ихъ окажется на мѣстахъ очень немного. И этотъ опытъ тѣмъ болѣе опасенъ, что его можно продѣлать только одинъ разъ. Поэтому мудрый Князь долженъ подумать о томъ, какъ бы сдѣлать такъ, чтобы граждане всегда и при всѣхъ обстоятельствахъ нуждались въ его власти и тогда они всегда будутъ вѣрны ему.

Глава X.

Какимъ образомъ слѣдуетъ измѣрять силы всѣхъ княжествъ.

При разсмотрѣніи свойствъ этихъ княжествъ не слѣдуетъ обходить и другого вопроса, а именно: имѣетъ ли Князь такое государство, что въ случаѣ необходимости могъ бы управиться самъ, или же онъ всегда нуждается въ защитѣ со стороны другого. Чтобы лучше выяснить эту сторону дѣла, я говорю, что, по моему мнѣнію, могутъ управиться самолично тѣ, которые благодаря обилію людей или денегъ имѣютъ возможность выставить изрядное войско и дать сраженіе всякому, кто бы ни напалъ на нихъ; равнымъ образомъ тѣхъ я считаю всегда нуждающимися въ другихъ, которые не могутъ помѣриться съ непріятелемъ въ открытомъ полѣ, но вынуждены искать убѣжища въ стѣнахъ и защищать ихъ. О первомъ случаѣ мы уже говорили и въ дальнѣйшемъ еще придется его коснуться. При второмъ случаѣ можно только обратиться къ такимъ Князьямъ съ совѣтомъ снабдить всѣмъ необходимымъ и укрѣпить ихъ резиденціи, совершенно не обращая вниманія на остальную страну. И кто надлежащимъ образомъ укрѣпитъ свою резиденцію и въ остальномъ управленіи будетъ обращаться съ подданными такъ, какъ было сказано выше и еще будетъ сказано ниже,—на того всегда будутъ нападать съ большой опаской. Вѣдь люди всегда сторонятся предпріятій, въ ко-

торыхъ они усматриваютъ трудности, и нельзя нападеніе на того, кто имѣетъ укрѣпленную резиденцію и кого народъ не ненавидитъ,—считать дѣломъ легкимъ. Города Германіи пользуются полной свободой, имѣютъ небольшія области, повинуются императору, когда хотятъ этого, и не боятся ни его, ни могущественныхъ сосѣдей: они такъ укрѣплены что каждый увѣренъ, что завоеваніе ихъ есть дѣло докучное и трудное. Всѣ они окружены надлежащими рвами и стѣнами, имѣютъ достаточную артиллерію и всегда держатъ въ общественныхъ магазинахъ запасы ѣды, платья и топлива на цѣлый годъ. Кромѣ того, чтобы имѣть возможность прокормить простой народъ безъ ущерба для общины, они всегда запасаются на годъ матеріаломъ, который можетъ быть обработанъ въ производствахъ, составляющихъ жизненный нервъ города и являющихся главнымъ промысломъ простого народа; военное дѣло у нихъ также въ большой чести, и они поддерживаютъ его многими учрежденіями.

Итакъ, Князь, имѣющій укрѣпленную резиденцію и не возбудившій противъ себя ненависти, не можетъ подвергнуться нападенію, а если бы это и случилось, то напавшій вернулся бы со срамомъ. Вѣдь обстоятельства столь измѣнчивы, что почти невѣроятно, чтобы кто-нибудь могъ со своимъ войскомъ посвятить осадѣ годъ. Мнѣ возразятъ: если владѣнія народа будутъ находиться внѣ города и онъ увидитъ ихъ въ огнѣ, то его терпѣніе истощится; притомъ же долгая осада и себялюбіе заставятъ его забыть о Князѣ. Я отвѣчаю, что могущественный и мужественный Князь всегда преодолѣетъ эти трудности, то внушая подданнымъ

надежду на скорое окончаніе бѣдствій, то возбуждая страхъ къ жестокости врага, то устраняя ловкимъ пріемомъ тѣхъ, которые, какъ ему кажется, слишкомъ горячатся. Кромѣ того врагъ обыкновенно жжетъ и грабитъ страну тотчасъ же по своемъ приходѣ, т. е. въ то время, когда мужество людей еще не остыло, и они готовы защищаться. Это обстоятельство должно еще умалить опасенія Князя, ибо къ тому дню, когда духъ людей упадетъ, ущербъ будетъ уже нанесенъ, зло причинено и помочь этому уже невозможно: тогда-то народъ еще болѣе привяжется къ Князю, который, по его представленію, долженъ чувствовать себя обязаннымъ по отношенію къ нему, такъ какъ онъ допустилъ сожженіе своихъ домовъ и раззореніе владѣній для защиты Князя. А природа людей такова, что оказываемое благодѣяніе такъ же внушаетъ чувство обязанности, какъ и получаемое. Итакъ, по надлежащемъ разсмотрѣніи всего этого слѣдуетъ признать, что благоразумному Князю не трудно будетъ какъ въ началѣ, такъ и впослѣдствіи поддерживать мужество своихъ гражданъ въ дни осады, если только они не испытываютъ недостатка ни въ съѣстныхъ, ни въ боевыхъ припасахъ.

Глава XI.

О церковныхъ княжествахъ.

Теперь остается разсмотрѣть церковныя княжества. Что касается ихъ, то всѣ трудности представляются здѣсь до овладѣнія ими, ибо пріобрѣтаются они или благодаря доблести, или счастью, удерживаются же безъ того и другого; ихъ поддержкой являются укоренившіяся религіозныя установленія, вліяніе которыхъ настолько значительно и глубоко, что такимъ Князьямъ обезпечено ихъ положеніе, какой бы образъ жизни они не избрали. Только такіе Князья имѣютъ государства и не защищаютъ ихъ, имѣютъ подданыхъ и не управляютъ ими; они не лишаются своихъ государствъ, несмотря на то, что оставляютъ ихъ безъ защиты, и подданые, не будучи управляемы, не обращаютъ однако на это вниманіе и не помышляютъ, да и не могутъ отпасть отъ нихъ. Слѣдовательно, только эти княжества находятся въ безопасности и наслаждаются счастьемъ. Но такъ какъ здѣсь проявляется дѣйствіе высшихъ причинъ, непостижимыхъ для человѣческаго ума, то я и не буду говорить о нихъ. Вѣдь своимъ возвышеніемъ и сохраненіемъ они обязаны Богу, и поэтому браться разсуждать о нихъ—есть дѣло достойное человѣка самонадѣяннаго и дерзкаго.

Однако, если кто-нибудь предложитъ мнѣ вопросъ: какимъ образомъ Церковь достигла такого могущества въ свѣтскихъ дѣлахъ — вѣдь до Але-

ксандра всѣ державы Италіи, и не только тѣ, которыя называли себя такъ, но и всѣ бароны и сеньоры, даже самые незначительные, почти не считались съ ней въ отношеніи свѣтскихъ дѣлъ, теперь же ея побаивается самъ король Франціи и ей удалось изгнать его изъ Италіи и разорить Венецію — то, будь все это даже извѣстно, я все же не считаю излишнимъ освѣжить это въ памяти.

Передъ вторженіемъ Карла, короля Франціи, въ Италію, эта страна находилась подъ властью папы, венеціанцевъ, короля Неаполитанскаго, герцога Миланскаго и флорентинцевъ. Всѣ они должны были заботиться главнымъ образомъ о двухъ обстоятельствахъ: во-первыхъ, чтобы въ Италію не вторгся могущественный чужеземецъ, во-вторыхъ, чтобы никто изъ нихъ не захватывалъ новыхъ владѣній. Больше всего опасеній внушали папа и венеціанцы. Чтобы сдержать венеціанцевъ, необходимъ былъ союзъ всѣхъ остальныхъ; для того же, чтобы смирить папу, пользовались римскими баронами. Послѣдніе дѣлились на двѣ партіи, приверженцевъ Орсини и приверженцевъ Колонна, постоянно между собой враждовавшихъ; находясь всегда подъ оружіемъ въ самой непосредственной близости къ первосвященнику, они не позволяли папской власти усилиться и окрѣпнуть. И хотя иногда появлялся мужественный папа, какимъ былъ, напримѣръ, Сикстъ, однако ни счастье, ни благоразуміе не могли избавить его отъ этого неудобства. Причиной тому была краткость жизни папъ: въ теченіе десяти лѣтъ, которыя въ среднемъ жилъ каждый папа, ему съ трудомъ удавалось ослабить одну изъ этихъ партій, и если, для примѣра, одинъ ис-

кореняль приверженцевъ Колонна, то его мѣсто заступалъ другой, врагъ Орсини, покровительствовавшій Колонна, не имѣя однако времени уничтожить Орсини. Этимъ объясняется то, что со свѣтской властью папы мало считались въ Италіи.

Затѣмъ вступилъ на папскій престолъ Александръ VI, изъ всѣхъ бывшихъ когда-либо папъ единственный, показавшій, какого значенія можетъ достичь папа съ помощью денегъ и боевыхъ силъ; воспользовавшись, какъ орудіемъ, герцогомъ Валентино и тѣмъ случаемъ, который представляло изъ себя нашествіе французовъ, онъ совершилъ все то, о чемъ мнѣ пришлось говорить выше при описаніи дѣяній герцога. И хотя его прямымъ намѣреніемъ было возвеличеніе герцога, а не Церкви, однако то, что онъ совершилъ, способствовало возвеличенію Церкви, которая послѣ его смерти и гибели герцога, унаслѣдовала плоды его трудовъ. Затѣмъ вступилъ на престолъ папа Юлій II, нашедшій Церковь въ цвѣтущемъ состояніи: она обладала Романьей, уничтожила римскихъ бароновъ, а благодаря рѣшительнымъ мѣрамъ Александра были сведены на нѣтъ и самыя партіи; кромѣ того имъ былъ проложенъ путь къ накопленію богатствъ, средство, которымъ до Александра никогда не пользовались. Юлій не только осуществлялъ планы своего предшественника, но и расширилъ ихъ: онъ задумалъ захватить Болонью, уничтожить венеціанцевъ, прогнать изъ Италіи французовъ. Всѣ эти предпріятія ему удались, и съ тѣмъ большей для него славой, что онъ все дѣлалъ для возвеличенія Церкви, а не какого-либо частнаго лица. Партіи Орсини и Колонна онъ дер-

жалъ въ тѣхъ предѣлахъ, какъ онъ засталъ ихъ при своемъ вступленіи; хотя между ними и были горячія головы, однако два обстоятельства сдерживали ихъ: во-первыхъ, величіе Церкви, внушавшее имъ робость, во-вторыхъ то, что изъ этихъ партій не было кардиналовъ, всегда бывшихъ началомъ распрей между ними. И если только эти партіи будутъ имѣть кардиналовъ, онѣ никогда не останутся спокойными, ибо кардиналы поддерживаютъ партіи въ Римѣ и въ другихъ мѣстахъ, бароны же съ своей стороны вынуждены защищать кардиналовъ; такимъ образомъ честолюбіе прелатовъ рождаетъ несогласіе и распри въ средѣ бароновъ. Итакъ его святѣйшество папа Левъ засталъ папство въ расцвѣтѣ силъ; относительно его можно надѣяться, что если его предшественники возвеличили папство оружіемъ, то онъ своей добротой и безчисленными другими добродѣтелями вознесетъ его къ еще большему могуществу и славѣ.

Глава XII.

О томъ, сколько имѣется видовъ войскъ, и о наемныхъ солдатахъ.

Послѣ того какъ я подробно изслѣдовалъ всѣ свойства тѣхъ княжествъ, которыя я задался цѣлью обсудить, разсмотрѣлъ отчасти причины, отъ которыхъ зависитъ ихъ благо-и злополучіе, и указалъ способы, которыми многіе стремились къ ихъ прі-

обрѣтенію—мнѣ остается теперь изслѣдовать вообще способы нападенія и защиты, которые могутъ имѣть мѣсто въ каждомъ изъ нихъ. Мы уже указали выше, насколько необходимо для Князя имѣть прочныя основы: въ противномъ случаѣ его гибель неизбѣжна. Главными основами для всѣхъ государствъ, какъ новыхъ, такъ и старыхъ и смѣшанныхъ—это хорошія войска и хорошіе законы; но такъ какъ хорошіе законы не могутъ обойтись безъ хорошаго войска, а тамъ, гдѣ есть хорошія войска, должны быть и хорошіе законы, то я не стану разсуждать о законахъ, а буду говорить о войскахъ.

Итакъ, я говорю, что войска, которыми Князь защищаетъ свое государство, суть или его собственныя, или наемныя, или вспомогательныя, или смѣшанныя. Наемныя и вспомогательныя безполезны и опасны; и если кто-нибудь основалъ свою власть на наемныхъ войскахъ, то она никогда не будетъ ни крѣпкой, ни обезпеченной, ибо въ этихъ войскахъ царитъ раздоръ, они честолюбивы и недисциплинированы, вѣроломны, дерзки въ средѣ друзей, робки среди враговъ, въ нихъ нѣтъ страха Божьяго и честнаго отношенія къ людямъ, и ихъ пораженіе отлагается лишь на тотъ же срокъ, что и ихъ наступленіе; въ мирное время они сами занимаются грабежомъ, въ военное—предоставляютъ это врагу. Причина этому—то, что въ рядахъ ихъ не удерживаетъ никакая другая склонность и интересъ, кромѣ грошеваго жалованья, которое однако недостаточно для того, чтобы внушить имъ желаніе положить свою жизнь за Князя. Они непрочь быть солдатами Князя, пока онъ не ведетъ войны, при наступленіи же ея они разбѣгаются или

берутъ разсчетъ. Убѣдить въ этомъ, повидимому, не должно составить большого труда, ибо разореніе Италіи объясняется только тѣмъ, что въ теченіе многихъ лѣтъ она полагалась на наемныя войска. Эти послѣднія были еще кой для кого полезны и казались мужественными, пока имъ приходилось имѣть дѣло другъ съ другомъ, но лишь только появились иноземцы, какъ они показали, чего они стоятъ. Вслѣдствіе этого Карлъ, король Франціи, шутя захватилъ Италію,—и тотъ, кто сказалъ, что причиной этому были наши грѣхи, сказалъ правду, но не тѣ грѣхи, въ которые онъ вѣрилъ, а тѣ, на которые я указалъ. И такъ какъ грѣшили Князья, то они же и понесли кару.

Я хочу воочію показать пагубныя свойства этого рода войскъ. Наемные военачальники суть или люди даровитые, или же нѣтъ. Въ первомъ случаѣ Князь не можетъ на нихъ положиться, ибо они всегда будутъ стремиться къ своему собственному величію или за счетъ своего же хозяина Князя, или же за счетъ тѣхъ, унижать которыхъ Князь не намѣренъ. Если же военачальникъ не отличается доблестью, то онъ влечетъ Князя къ неминуемой погибели. Если мнѣ возразятъ на это, что всякій располагающій военной силой будетъ поступать такъ, все равно наемникъ онъ или нѣтъ, то я отвѣчу, что, такъ какъ войска могутъ быть употреблены въ дѣло или Княземъ, или республикой, то Князь долженъ лично принять на себя обязанности военачальника, республика же должна поручить это своимъ гражданамъ; и если тотъ, кому она поручитъ, окажется малоспособнымъ, то она должна смѣнить его, если же онъ окажется на мѣстѣ, то

она должна законами удержать его въ извѣстныхъ предѣлахъ. И опытъ учитъ, что только вооруженные Князья и республики преуспѣваютъ, наемныя же войска приносятъ лишь одинъ ущербъ, и республикамъ, располагающимъ собственнымъ войскомъ, труднѣе попасть въ подчиненіе одному изъ своихъ гражданъ, нежели республикамъ, имѣющимъ наемныя войска. Римъ и Спарта въ теченіе многихъ столѣтій были вооружены и свободны; швейцарцы наиболѣе вооружены и наиболѣе свободны. Карѳагеняне же, наоборотъ, имѣли наемныя войска и послѣ окончанія первой войны съ римлянами они едва не были полонены своими же наемными солдатами, хотя военачальниками и были ихъ собственные граждане. Послѣ смерти Эпаминонда Филиппъ Македонскій былъ поставленъ ѳиванцами во главѣ ихъ племени, и послѣ побѣды онъ лишилъ ихъ свободы. Миланцы, по смерти герцога Филиппо, наняли противъ венеціанцевъ Филиппо Сфорца; послѣдній, побѣдивъ враговъ при Караваджіо, заключилъ съ ними союзъ противъ своихъ же хозяевъ миланцевъ. Сфорца, его отецъ, служившій у королевы неаполитанской Джіованны, внезапно оставилъ ее безоружной, что и вынудило ее отдаться въ руки короля аррагонскаго, чтобы только не лишиться трона. Если же мнѣ укажутъ на то, что венеціанцы и флорентинцы, пользуясь наемными войсками, расширили нѣкогда сферу своего господства, и однако ихъ военачальники не сдѣлались еще поэтому ихъ Князьями, но, наоборотъ, защищали ихъ, то я отвѣчу, что въ этомъ случаѣ флорентинцамъ была особенная удача, ибо изъ доблестныхъ военачальниковъ, которыхъ они могли бы опасаться,

одни не побѣждали, другіе встрѣчали противодѣйствіе, у третьихъ честолюбіе было обращено въ другую сторону. Не одержалъ побѣды Джіованни Акуто, вѣрность котораго не могла быть испытана, ибо онъ не побѣждалъ; но всякій согласится съ тѣмъ, что въ случаѣ побѣды флорентинцы находились бы всецѣло въ его рукахъ. Сфорца всегда враждовалъ съ приверженцами Браччіо, такъ что они связывали другъ другу руки. Предметомъ своихъ честолюбивыхъ замысловъ Франческо сдѣлалъ Ломбардію, Браччіо—Церковь и королевство неаполитанское. Но перейдемъ къ тому, что произошло еще недавно. Флорентинцы сдѣлали своимъ военачальникомъ Паоло Вителли, человѣка выдающагося ума, еще въ частной жизни пріобрѣтшаго весьма громкое имя. Никто не станетъ отрицать, что если бы онъ завоевалъ Пизу, то флорентинцы оказались бы въ зависимости отъ него, ибо, поступи онъ на службу къ ихъ врагамъ, у нихъ не было бы выхода, удержи же они его у себя—имъ пришлось бы подчиниться ему.

Если мы разсмотримъ успѣхи венеціанцевъ, то убѣдимся въ томъ, что счастье и слава сопутствовали имъ до тѣхъ поръ, пока они вели войны собственными силами (что было до того, какъ они обратились къ предпріятіямъ на сушѣ), когда равную доблесть проявляли и дворяне, и вооруженный народъ; когда же они стали воевать на сушѣ, имъ стала чужда эта доблесть, и они послѣдовали примѣру всей Италіи. Когда они только что начали свои завоеванія на сушѣ, имъ не приходилось очень опасаться своихъ военачальниковъ, вслѣдствіе незначительныхъ размѣровъ своего государ-

ства и своего громкаго имени. Но когда ихъ владѣнія расширились, что было при Кармоньолѣ, они поняли свою ошибку. Зная его за человѣка доблестнаго, такъ какъ подъ его начальствомъ они разбили герцога миланскаго, но съ другой стороны замѣчая его вялость въ веденіи войны, они рѣшили, что онъ не доставитъ имъ больше побѣды. Но такъ какъ они не хотѣли и не могли отпустить его, боясь лишиться своихъ пріобрѣтеній, то имъ пришлось убить его, чтобы себя обезпечить. Послѣ этого ихъ военачальниками были Бартоломео да Бергамо, Роберто да Санъ Северино, графъ да Пиліано и т. п., при которыхъ имъ приходилось больше опасаться ихъ пораженія, нежели побѣды, какъ и случилось впослѣдствіи при Вайла, когда они въ одномъ сраженіи лишились всего, что пріобрѣли съ такимъ трудомъ въ теченіе восьми вѣковъ, ибо пріобрѣтенія, дѣлаемыя съ помощію этого рода войскъ, медленны, слабы и непрочны, потери же при нихъ внезапны и грандіозны.

Такъ какъ эти примѣры привели меня къ Италіи, въ которой уже много лѣтъ хозяйничаютъ наемныя войска, то я хочу остановиться на этомъ подольше, дабы, уяснивъ происхожденіе и распространеніе этого рода войска, можно было легче устранить ихъ недостатки. Нужно имѣть въ виду, что лишь только императорская власть стала ослабѣвать въ Италіи, и папа пріобрѣлъ большое вліяніе на ходъ свѣтскихъ дѣлъ, какъ Италія распалась на много государствъ. Дѣло въ томъ, что многіе большіе города подняли оружіе противъ своей знати, которая раньше, покровительствуемая императоромъ, держала ихъ въ угнетеніи, и Цер-

ковь покровительствовала имъ, чтобы пріобрѣсти вліяніе на свѣтскія дѣла; во многихъ другихъ городахъ Князьями сдѣлались ихъ же собственные граждане. Такимъ образомъ вся Италія оказалась въ рукахъ папъ и нѣсколькихъ республикъ, а такъ какъ ни папы, ни горожане не привыкли имѣть дѣло съ оружіемъ, то они начали нанимать иностранцевъ. Абериго да Коніо, уроженецъ Романьи, первый создалъ популярность этого рода войскамъ.

Его школу прошли между прочимъ Браччіо и Сфорца, въ свое время хозяйничавшіе въ Италіи. Вслѣдъ за ними появились другіе, вплоть до нашего времени распоряжнвшіеся вооруженными силами Италіи, и въ результатѣ ихъ доблести она была разбита Карломъ, опустошена Людовикомъ, покорена Феррандо и унижена швейцарцами. Образъ дѣйствій, котораго они держались, былъ разсчитанъ прежде всего на то, чтобы возбудить презрѣніе къ пѣхотнымъ войскамъ и тѣмъ придать большее значеніе своимъ.

Дѣлали они такъ потому, что, не имѣя владѣній и существуя лишь своимъ промысломъ, они не могли бы съ небольшимъ числомъ пѣхотинцевъ добиться какого-нибудь положенія, значительнаго же числа они не имѣли возможности прокормить. Поэтому они ограничивались конницей, достаточное число которой доставляло имъ и деньги, и почетъ, и они довели дѣло до того, что въ войскѣ, въ 20000 солдатъ не было и 2000 пѣхотинцевъ. Кромѣ того они пускали въ ходъ всевозможные пріемы, чтобы облегчить себѣ походъ, а солдатъ избавить отъ утомленія и опасности, приказывая

не убивать враговъ въ бою, а забирать въ плѣнъ и притомъ безъ выкупа. Они не стрѣляли ночью по осажденнымъ, а тѣ, въ свою очередь, не стрѣляли ночью по лагерю; они не окружали своихъ стоянокъ ни частоколомъ, ни рвами и прекращали на зиму военныя дѣйствія. И все это позволялось ихъ военнымъ искусствомъ и изобрѣтено было, какъ я уже сказалъ, для того, чтобы избѣжать утомленія и опасности. Такъ довели они Италію до рабства и униженія.

Глава XIII.

О войскахъ вспомогательныхъ, смѣшанныхъ и собственныхъ.

Другимъ видомъ безполезныхъ войскъ являются вспомогательныя, которыя выступаютъ на сцену тогда, когда обращаются къ какому-нибудь могущественному государству съ просьбой о помощи и защитѣ, какъ это сдѣлалъ въ самое недавнее время папа Юлій II, который, убѣдившись при походѣ на Феррару въ плачевномъ достоинствѣ своихъ наемныхъ войскъ, обратился къ вспомогательнымъ и вступилъ въ соглашеніе съ Феррандо, королемъ испанскимъ, чтобы этотъ послѣдній помогъ ему своими людьми и войсками. Эти войска могутъ быть сами для себя и полезны и хороши, но для призвавшаго ихъ они всегда пагубны, ибо въ случаѣ пораженія ему нѣтъ спасенія, въ случаѣ же побѣды онъ остается ихъ плѣн-

никомъ. И хотя подобными примѣрами полна древняя исторія, я однако не хочу удаляться отъ этого примѣра папы Юлія II, который еще свѣжъ въ памяти. Трудно было бы принять рѣшеніе болѣе необдуманное, чѣмъ, въ погонѣ за Феррарой, отдаться совершенно въ руки чужеземца. Но на его счастье здѣсь привзошло обстоятельство, благодаря которому онъ не пожалъ плодовъ своего дурного выбора. Его вспомогательныя войска были разбиты при Равеннѣ, швейцарцы же поднялись и прогнали побѣдителей, вопреки всякому ожиданію, какъ его самого, такъ и другихъ, а потому онъ не оказался плѣнникомъ ни своихъ враговъ, такъ какъ они были разбиты, ни своихъ вспомогательныхъ войскъ, ибо онъ побѣдилъ не ихъ оружіемъ, а другимъ. Флорентинцы, будучи совершенно безоружны, наняли 10000 французовъ для завоеванія Пизы; благодаря этому рѣшенію, они попали въ болѣе опасное положеніе, нежели въ годины самыхъ тяжелыхъ испытаній. Императоръ византійскій, чтобы дать отпоръ своимъ сосѣдямъ, призвалъ въ Грецію 10000 турокъ, которые, по окончаніи войны, не пожелали оставить Грецію, и это было началомъ ея порабощенія невѣрными. Итакъ, тотъ, кто хочетъ липить себя возможности побѣдить, пусть приглашаетъ эти войска, ибо они много опаснѣе наемныхъ: при нихъ погибель призвавшаго ихъ есть дѣло рѣшенное, въ нихъ царитъ единеніе, они всегда готовы подчиниться приказаніямъ другого; если же наемныя войска побѣдятъ, то все же должно пройти больше времени и представиться лучшій случай, чтобы они обратились противъ нанявшаго ихъ, ибо они не представляютъ изъ себя единаго цѣлаго, и онъ

ихъ собралъ и платитъ имъ; при такомъ положеніи вещей третье лицо, которое онъ ставитъ во главѣ войска, не можетъ пріобрѣсти внезапно такого вліянія, чтобы пойти противъ него самого. Однимъ словомъ въ наемныхъ войскахъ болѣе всего опасна лѣнность и нежеланіе сражаться, а въ вспомогательныхъ—доблесть.

Поэтому мудрые Князья всегда избѣгали этихъ войскъ и обращались къ собственнымъ; они предпочитали пораженіе со своими войсками побѣдѣ съ чужими, ибо не считали истинной побѣду, которая достигается съ помощью чужихъ войскъ. Я всегда готовъ поставить въ примѣръ Цезаря Борджіа и его дѣянія. Герцогъ вторгся въ Романью съ вспомогательными войсками, состоявшими исключительно изъ французовъ, и взялъ съ ихъ помощью Имолу и Фурли. Но затѣмъ эти войска показались ему ненадежными. Поэтому онъ обратился къ наемнымъ, полагая, что эти послѣднія менѣе опасны, и нанялъ Орсини и Вителли; найдя ихъ, по испытаніи, колеблющимися, вѣроломными и опасными, онъ уничтожилъ ихъ и обратился къ собственнымъ. И легко можно убѣдиться въ разницѣ между тѣмъ и другимъ видомъ войскъ, если вникнуть въ разницу между тѣмъ значеніемъ, которымъ обладалъ герцогъ, когда имѣлъ однихъ французовъ, тѣмъ, когда онъ имѣлъ Орсини и Вителли, и тѣмъ, когда онъ остался со своими солдатами, предоставленный самому себѣ: это значеніе, какъ оказывается, постоянно росло, и никогда онъ не пользовался большимъ уваженіемъ, чѣмъ тогда, когда каждый видѣлъ, что онъ является полнымъ хозяиномъ своихъ войскъ.

Я не хочу удаляться отъ примѣровъ, взятыхъ

изъ недавняго прошлаго Италіи, однако мнѣ не хотѣлось бы обойти молчаніемъ Гіерона Сиракузскаго, какъ одного изъ выше мною названныхъ. Поставленный, какъ я уже сказалъ, сиракузцами во главѣ ихъ военныхъ силъ, Гіеронъ тотчасъ же понялъ безполезность наемныхъ войскъ, ибо наемники были того же достоинства, что и наши итальянскіе. И такъ какъ ему казалось, что для него невозможно ни удержать, ни распустить ихъ, то онъ приказалъ всѣхъ ихъ зарубить; послѣ же этого онъ воевалъ только со своими войсками, а не съ чужими. Я хочу также напомнить одинъ разсказъ изъ Ветхаго Завѣта, весьма здѣсь умѣстный. Когда Давидъ выразилъ готовность выйти на поединокъ съ филистимляниномъ Голіафомъ, вызывавшимъ любого, то Саулъ, чтобы придать ему мужество, хотѣлъ вооружить его собственными доспѣхами. Но Давидъ, прикинувъ ихъ, отказался, сказавъ, что онъ не чувствуетъ себя свободнымъ въ нихъ и что онъ намѣренъ пойти на врага со своими пращей и ножомъ. Словомъ, чужое оружіе или такъ широко, что не держится, или давитъ своею тяжестью, или же стѣсняетъ движенія.

Карлъ VII, отецъ Людовика VI, освободивъ благодаря своему счастью и доблести Францію отъ англичанъ, понялъ, насколько необходимо имѣть собственныя войска, и установилъ въ своемъ королевствѣ обязательную службу въ кавалеріи и пѣхотѣ. Затѣмъ его сынъ уничтожилъ пѣхоту и сталъ нанимать швейцарцевъ—ошибка, повлекшая за собой другія и явившаяся причиной, какъ то уже доказано фактами, многихъ опасностей для королевства. Придавъ исключительное значеніе швейцарцамъ, онъ оттѣснилъ на задній планъ всѣ свои

собственныя войска; уничтоживъ совершенно пѣхоту, онъ поставилъ свою кавалерію въ зависимость отъ чужихъ войскъ, и ей, привыкшей сражаться вмѣстѣ со швейцарцами, побѣда безъ нихъ казалась невозможною. Благодаря этому и произошло, что французы безсильны противъ швейцарцевъ и безъ нихъ ничего не могутъ подѣлать съ другими. Такимъ образомъ войска Франціи были смѣшанныя, частью наемныя, частью же собственныя, каковыя войска въ своей совокупности много лучше просто наемныхъ или вспомогательныхъ, но много слабѣе собственныхъ. Приведенные примѣры достаточно говорятъ за себя, ибо французское королевство было бы непобѣдимо, если бы учрежденія Карла получили дальнѣйшее развитіе или были бы сохранены. Но недомысліе толкаетъ людей на предпріятія, заманчивая внѣшность которыхъ не обнаруживаетъ таящагося въ нихъ яда; нѣчто подобное тому, что я замѣтилъ выше относительно чахотки. Поэтому Князь, распознающій зло лишь тогда, когда оно уже народилось, не обладаетъ истинной мудростью, составляющей удѣлъ немногихъ. И если вдуматься въ упадокъ римской имперіи, то окажется, что начало ему положило обыкновеніе нанимать готовъ, ибо съ этого начинается ослабленіе силъ римской имперіи, и вся доблесть, отошедшая отъ нея, переходитъ къ готамъ. Итакъ я заключаю, что безъ собственныхъ войскъ ни одно княжество не находится въ безопасности; напротивъ, оно всецѣло во власти судьбы, ибо не обладаетъ доблестью—оплотомъ въ дни ненастья. Собственныя же войска суть тѣ, которыя состоятъ изъ подданыхъ или гражданъ, или же изъ людей, всѣмъ обязанныхъ Князю; всѣ остальныя суть или

наемныя, или вспомогательныя. И способъ устроенія собственныхъ войскъ найти будетъ не трудно, если пораздумать надъ учрежденіями людей, названныхъ мною выше, и если обратить вниманіе на то, какъ справился съ этой задачей Филиппъ, отецъ Александра Великаго, и многія республики и Князья: на ихъ учрежденія я вполнѣ полагаюсь.

Глава XIV.

Что надлежитъ Князю предпринять относительно военнаго дѣла.

Итакъ, Князь не долженъ имѣть другой цѣли, ни другой работы, ни дѣлать изъ чего-либо другого свое искусство, кромѣ войны, ибо только военное искусство приличествуетъ тому, кто повелѣваетъ, и сила этого искусства настолько велика, что оно не только помогаетъ удержаться тѣмъ, которые рождены Князьями, но часто возноситъ къ этому положенію людей, прежде бывшихъ частными гражданами. И наоборотъ не трудно убѣдиться въ томъ, что, когда Князья болѣе думали о наслажденіяхъ, нежели объ оружіи,—они лишались своихъ государствъ. Пренебреженіе этимъ искусствомъ является первой причиной потери государства; мастерство въ немъ — причиной пріобрѣтенія таковаго. Франческо Сфорца благодаря своимъ познаніямъ въ военномъ дѣлѣ сдѣлался изъ частнаго гражданина герцогомъ миланскимъ, а его сыновья изъ герцоговъ сдѣлались частными гражданами вслѣдствіе

того, что избѣгали трудовъ и опасностей военнаго дѣла. Безоружность, кромѣ другихъ золъ, которыя она влечетъ за собой, дѣлаетъ еще Князя предметомъ презрѣнія, а это является однимъ изъ тѣхъ безчестящихъ свойствъ, которыхъ Князь долженъ избѣгать, какъ я скажу ниже. Между вооруженными и безоружными нѣтъ никакого сравненія, и противно разуму, чтобы вооруженный добровольно подчинялся безоружному, и безоружный былъ въ безопасности среди вооруженныхъ слугъ. Вѣдь невозможна плодотворная совмѣстная дѣятельность тамъ, гдѣ одинъ питаетъ презрѣніе, а другой подозрѣніе. И потому Князь, который не смыслитъ въ военномъ дѣлѣ, кромѣ прочихъ претерпѣваемыхъ имъ бѣдъ, не можетъ, какъ я сказалъ, уважаться своими солдатами и не можетъ положиться на своихъ подданыхъ. Поэтому Князь никогда не долженъ забывать о воинскихъ упражненіяхъ и въ мирное время долженъ предаваться соотвѣтствующимъ упражненіямъ еще болѣе, чѣмъ во время войны—что можетъ быть сдѣлано двоякимъ образомъ: или путемъ внѣшней дѣятельности, или же мысленно. Что касается дѣятельности, то, кромѣ поддержанія надлежащаго порядка въ своихъ войскахъ, онъ долженъ всегда заниматься охотой и благодаря ей закалять свое тѣло и обогащаться свѣдѣніями относительно строенія мѣстности: знать, гдѣ и какъ высятся горы, гдѣ кончаются долины, какъ и гдѣ раскидываются равнины, замѣчать положеніе рѣкъ и болотъ. Ко всему этому онъ долженъ относиться съ величайшей заботливостью.

Это знаніе полезно въ двухъ отношеніяхъ. Вопервыхъ, Князь научается знать свою страну, чѣмъ весьма облегчаетъ себѣ ея защиту. Засимъ, благо-

даря знанію одной мѣстности и привычки къ ней, ему легко будетъ оріентироваться въ какой-нибудь новой, которую почему-либо необходимо изслѣдовать; вѣдь возвышенности, долины, равнины, рѣки и болота, имющіяся, напримѣръ, въ Тосканѣ, сходны кое въ чемъ съ таковыми же въ другихъ мѣстностяхъ, и, такимъ образомъ, знаніе мѣстоположенія одной области облегчитъ познаніе другихъ. И тотъ Князь, которому не достаетъ соотвѣтствующей опытности, лишенъ перваго свойства, необходимаго военачальнику, ибо она научаетъ находить врага, располагаться лагеремъ, вести войска, назначать сраженія, осаждать города — все съ наибольшей выгодой.

Среди другихъ похвалъ, которыя расточаютъ Филопомену, Князю ахейскому, писатели, замѣчательна та, что во время мира онъ только и думалъ, что о войнѣ, и когда ему приходилось совершать прогулку съ друзьями, онъ часто останавливался и начиналъ разсуждать съ ними такимъ образомъ: Если бы враги находились на этомъ холмѣ, а мы съ нашими войсками находились бы здѣсь, то кто бы изъ насъ имѣлъ преимущество? какъ можно было бы наступать на нихъ, сохраняя порядокъ? что слѣдовало бы сдѣлать, если бы мы рѣшили отступить? если бы врагъ отступилъ, какъ должны были бы мы его преслѣдовать? И во время прогулки онъ излагалъ имъ всѣ случаи, могущіе произойти съ войскомъ, выслушивалъ ихъ мнѣніе, высказывалъ свое, подкрѣплялъ его доводами, такъ что благодаря этимъ постояннымъ размышленіямъ, когда ему приходилось руководить войсками, онъ могъ найти выходъ изъ всякаго положенія. Что же касается до умственнаго упражненія, то Князь

долженъ читать исторію и въ ней обращать вниманіе на дѣянія выдающихся людей, вникать въ ихъ способъ веденія войны, изслѣдовать причины ихъ побѣдъ и гибели, чтобы избѣжать послѣдней и подражать первымъ. Особенно же надлежитъ ему слѣдовать примѣру многихъ выдающихся людей древности, выбиравшихъ себѣ какой-нибудь образецъ для подражанія изъ числа тѣхъ, которые до нихъ отличились и прославились, и всегда имѣвшихъ передъ глазами его подвиги и дѣянія; какъ, говорятъ, Александръ Великій подражалъ Ахиллу, Цезарь—Александру, Сципіонъ—Киру. И всякій, кто прочтетъ жизнеописаніе Кира, составленное Ксенофонтомъ, а затѣмъ обратится къ жизни Сципіона, сразу пойметъ, насколько это подражаніе способствовало славѣ послѣдняго и насколько въ цѣломудріи, привѣтливости, человѣчности и щедрости Сципіонъ сообразовался съ тѣмъ, что написалъ о Кирѣ Ксенофонтъ. Мудрый Князь долженъ слѣдовать такого рода правиламъ и никогда не оставаться празднымъ въ мирное время, но трудолюбиво собирать сокровище, чтобы имѣть возможность съ его помощью продержаться при неблагопріятномъ оборотѣ дѣлъ, и чтобы измѣнившаяся судьба нашла его готовымъ отразить ея удары.

Глава XV.

О тѣхъ свойствахъ, за которыя людей и преимущественно Князей хвалятъ или порицаютъ.

Остается теперь разсмотрѣть, какъ Князь долженъ вести себя и держаться въ отношенiи къ подданымъ и друзьямъ. И такъ какъ я знаю, что многiе уже писали объ этомъ предметѣ, то боюсь показаться самонадѣяннымъ, если и я также вздумаю писать о немъ, тѣмъ паче, что именно въ обсужденiи его я болѣе всего расхожусь со взглядами другихъ. Но такъ какъ моимъ намѣренiемъ было написать нѣчто полезное для того, кто пожелалъ бы вникнуть, то мнѣ казалось болѣе умѣстнымъ преслѣдовать дѣйствительную истину предмета, нежели вымыселъ относительно его. Многiе уже силою вымысла создавали республики и княжества, которыхъ никто не видѣлъ и не зналъ, какъ дѣйствительно существующiя. Однако между тѣмъ, какъ живутъ, и какъ надлежало бы жить, имѣется такая разница, что тотъ, кто изъ-за долженствующаго произойти упускаетъ изъ виду дѣйствительно происходящее,—тотъ скорѣе уготовляетъ свою погибель, нежели свое спасенiе, ибо человѣкъ, который захотѣлъ бы во всемъ слѣдовать лишь одному добру, неминуемо погибъ бы среди столькихъ порочныхъ людей. Поэтому для Князя, желающаго отстоять себя, необходимо умѣть быть и не добродѣтельнымъ и, смотря по надобности, пользоваться или не пользоваться этимъ умѣньемъ. Итакъ, оставляя въ сторонѣ вопросъ относительно вымышлен-

ныхъ Князей и разбирая лишь дѣйствительно существующее, я говорю, что всѣмъ людямъ, когда о нихъ говорятъ, и преимущественно Князьямъ, такъ какъ они поставлены выше другихъ, обыкновенно приписываютъ одно изъ свойствъ, обусловливающихъ похвалу или порицаніе: одного, именно, считаютъ щедрымъ, другого скупымъ (misero) (я пользуюсь тосканскимъ словомъ misero, ибо наше слово avaro (алчный) означаетъ также того, кто не останавливается и передъ грабежомъ; скупымъ же мы называемъ того, кто черезчуръ бережливо пользуется своимъ достояніемъ); одного считаютъ расточительнымъ, другого хищникомъ; одного жестокимъ, другого сострадательнымъ; одного вѣроломнымъ, другого надежнымъ; одного изнѣженнымъ и малодушнымъ, другого смѣлымъ и мужественнымъ; одного привѣтливымъ, другого высокомѣрнымъ одного распутнымъ, другого цѣломудреннымъ; одного чистосердечнымъ, другого хитрымъ; одного упорнымъ, другого уступчивымъ; одного серьезнымъ, другого легкомысленнымъ; одного религіознымъ, другого невѣрующимъ и т. д. Знаю, всякій признаетъ, что было бы лучше всего, если бы нашелся Князь со всѣми перечисленными качествами, признаваемыми за хорошія, но такъ какъ имѣть ихъ всѣ и неуклонно проводить не позволяютъ самыя условія человѣческаго существованія, то Князь долженъ быть настолько благоразуменъ, чтобы умѣть избѣгать позора тѣхъ пороковъ, которые могли бы лишить его государства и по возможности беречься тѣхъ, которые не опасны въ этомъ смыслѣ; но если послѣднее невозможно, то онъ можетъ не особенно стѣсняться. И онъ можетъ также не бояться осужденія за тѣ пороки, безъ которыхъ

трудно удержать государство, ибо, если разсмотрѣть все надлежащимъ образомъ, то найдется кое-что, на первый взглядъ кажущееся доблестью, но влекущее къ погибели, если Князь послѣдуетъ ему, и кое-что кажущееся порокомъ, но вознаграждающее Князя, послѣдовавшаго ему, безопасностью и благополучіемъ.

Глава XVI.

О щедрости и скупости.

Итакъ, начиная съ первыхъ изъ вышеназванныхъ свойствъ, я говорю, что хорошо было бы прослыть за щедраго, но что щедрость, практикуемая такимъ образомъ, что Князь не слыветъ таковымъ, приноситъ ущербъ; вѣдь если онъ будетъ примѣнять ее должнымъ образомъ, то она не будетъ бросаться въ глаза, и ему не избѣжать упрека въ противоположномъ свойствѣ. Поэтому при желаніи поддержать среди людей славу щедрости необходимо не останавливаться ни передъ какой роскошью; и такого рода Князь всегда будетъ расходовать на подобныя затѣи всѣ свои средства и, въ концѣ концовъ, если захочетъ поддержать славу своей щедрости, будетъ вынужденъ чрезмѣрно обременить народъ, превратиться въ откупщика и пускаться на все, лишь бы только достать средства. Послѣднее сдѣлаетъ его мало-по-малу ненавистнымъ для подданныхъ, и, обѣднявъ, онъ лишится уваженія. Обидѣвъ вслѣдствіе своей щедрости многихъ и наградивъ

немногихъ, онъ встанетъ втупикъ передъ первымъ же затрудненіемъ, и первая же опасность пошатнетъ его положеніе; если же онъ, понявъ все это, захочетъ вернуться вспять, то онъ тотчасъ подвергнется упреку въ скупости. Итакъ, Князь, не имѣя возможности примѣнять щедрость безъ ущерба для себя такъ, чтобы о ней шла молва, не долженъ, если онъ благоразуменъ, бояться славы скупца. Вѣдь со временемъ онъ будетъ слыть все болѣе и болѣе щедрымъ, когда увидятъ, что, благодаря его бережливости, его доходы ему достаточны, что онъ можетъ оборониться отъ всякаго врага, можетъ, не обременяя народа, осуществлять различныя предпріятія; такъ что онъ окажется щедрымъ въ отношеніи всѣхъ тѣхъ, у кого онъ не беретъ, каковыхъ безчисленное множество, а скупымъ по отношеніи къ тѣмъ, кому онъ не даетъ, каковыхъ мало.

Въ наше время, на нашихъ глазахъ, великія дѣла совершались только тѣми, которые слыли скупыми, всѣ же остальные погибали. Папа Юлій II воспользовавшись славой щедрости, чтобы достичь папства, затѣмъ не думалъ поддерживать ее, имѣя въ виду начать войну съ королемъ Франціи; и онъ велъ столько войнъ, не наложивъ ни одной чрезвычайной подати, ибо всѣ излишнія траты покрывались имъ благодаря долгой бережливости. Теперешній король испанскій, если бы слылъ щедрымъ, то не могъ бы осуществить и благополучно довести до конца столько предпріятій. Поэтому Князь долженъ мало обращать вниманія на упреки въ скупости, если благодаря этому онъ не будетъ поставленъ въ необходимость обирать своихъ подданныхъ, сможетъ защищаться, не будетъ рисковать

обѣднѣть и встать предметомъ презрѣнія, не будетъ вынужденъ превратиться въ хищника; ибо порокъ скупости одинъ изъ тѣхъ, которые укрѣпляютъ его тронъ. И если кто-нибудь, въ возраженіе мнѣ, укажетъ на то, что Цезарь благодаря щедрости достигъ власти и что многіе другіе, благодаря тому, что были и слыли щедрыми, достигли самаго высокаго положенія, то я отвѣчу, что необходимо различать между тѣми, которые уже сдѣлались Князьями, и тѣми, которые еще собираются ими сдѣлаться. Въ первомъ случаѣ эта щедрость вредна, во второмъ—совершенно необходимо прослыть щедрымъ. Цезарь былъ однимъ изъ тѣхъ, которые стремились достичь княжеской власти надъ Римомъ; но если бы, по достиженіи этого, онъ бы еще долго прожилъ и не сократилъ бы своихъ расходовъ, то онъ расшаталъ бы эту власть. И если мнѣ кто-нибудь возразитъ: существовали многіе Князья, совершившіе со своими войсками великія дѣла и однако слывшіе въ высшей степени щедрыми, то я отвѣчу: Князь производитъ траты или изъ своего достоянія и своихъ подданныхъ, или же другихъ лицъ. Въ первомъ случаѣ онъ долженъ быть бережливъ, во второмъ не останавливаться ни передъ какимъ проявленіемъ щедрости. И потому Князю, который находится въ походѣ съ войскомъ, живущимъ добычей, грабежомъ, поборами, такая щедрость необходима: иначе солдаты откажутся идти за нимъ. И Князь то, что не принадлежитъ ни ему, ни его подданнымъ, можетъ раздавать широкой рукой, какъ Киръ, Цезарь и Александръ, ибо расточеніе чужого добра не уничтожаетъ славы, но умножаетъ ее (только расточеніе своего вредно). И ничто не истощаетъ такъ самое себя,

какъ щедрость: примѣняя ее, теряешь возможность ея дальнѣйшаго примѣненія и становишься бѣднымъ и презрѣннымъ, а чтобы избѣжать послѣдняго — хищнымъ и ненавистнымъ. Среди всего, чего Князь долженъ беречься, слѣдуетъ особенно указать на презрѣніе и ненависть къ нему, щедрость же приводитъ къ тому и другому. Поэтому болѣе разумно примириться со славой скупца, что породитъ лишь порицаніе безъ ненависти, нежели, стремясь къ славѣ щедраго, въ силу необходимости пріобрѣсти имя хищника, что порождаетъ и порицаніе, и ненависть.

Глава XVII.

О жестокости и милосердіи и о томъ, что лучше, быть любимымъ или возбуждать страхъ.

Переходя затѣмъ къ другимъ изъ вышеупомянутыхъ свойствъ, я говорю, что каждый Князь долженъ желать прослыть милосерднымъ, а не жестокимъ. Однако онъ долженъ остерегаться дурнаго примѣненія этого милосердія. Цезарь Борджіа слылъ жестокимъ, однако же этой жестокостью она водворилъ порядокъ въ Романьи, объединилъ ее, привелъ къ миру и повиновенію. Если правильно взвѣсить все это, то придешь къ выводу, что онъ былъ болѣе милосерденъ, нежели народъ флорентинскій, который, чтобы избѣжать славы жестокаго, допустилъ разрушеніе Пистойи. Поэтому Князь не долженъ считаться съ упреками въ жестокости, если

только такая слава необходима для того, чтобы удержать подданныхъ въ единеніи и повиновеніи. Вѣдь ограничивающійся весьма немногими примѣрными наказаніями будетъ милосерднѣе тѣхъ, которые, вслѣдствіе неумѣстнаго милосердія, допускаютъ разрастись безпорядкамъ, порождающимъ убійства и грабежи, ибо послѣдніе составляютъ бѣдствіе для всего общества въ совокупности, кары же, исходящія отъ Князя, касаются лишь отдѣльныхъ лицъ. И изъ всѣхъ Князей труднѣе всего избѣжать славы жестокаго новому Князю, ибо новыя государства полны опасностей. Поэтому Виргилій словами, вложенными въ уста Дидоны, извиняетъ суровость порядковъ въ ея царствѣ:

Res dura, et regni novitas me talia cogunt
Moliri, et late fines custode tueri *).

Однако Князь не долженъ быть легковѣренъ и скоръ на крутыя мѣры и не долженъ самъ создавать себѣ страховъ; ему слѣдуетъ умѣрять свой образъ дѣйствій благоразуміемъ и человѣчностью, чтобы излишняя довѣрчивость не сдѣлала его неосторожнымъ, а излишняя недовѣрчивымъ—невыносимымъ. Здѣсь возникаетъ спорный вопросъ: *что лучше, быть любимымъ или возбуждать страхъ?* На него отвѣчаютъ, что желательно и то, и другое. Но такъ какъ совмѣститься имъ трудно, то, если приходится отказываться отъ одного изъ двухъ, много безопаснѣе внушать страхъ, нежели любовь, ибо относительно людей можно сказать вообще, что они неблагодарны, непостоян-

---

*) Злая судьба съ новизной державы меня принуждаютъ
Такъ поступать и хранить широко окраины стражей.
(Эн. I, 563 пер. Фета).

ны, притворщики, бѣгутъ опасностей, алчны; пока оказываешь имъ благодѣянія, они всецѣло принадлежатъ тебѣ, обѣщаютъ, какъ уже было сказано, пока нужда далека, не щадитъ для тебя ни крови, ни имущества, ни жизни, ни дѣтей; но когда нужда приблизится—они поворачиваются къ тебѣ спиной. И тотъ Князь, который всецѣло положился на ихъ слова и потому не принялъ никакихъ другихъ мѣръ, гибнетъ, ибо дружба, которая пріобрѣтается матеріальными средствами, а не величіемъ и благородствомъ души, окупается, правда, но ее не держишь въ рукахъ и невозможно воспользоваться ею въ нужную минуту. И люди съ меньшей опаской оскорбляютъ того, кто внушилъ любовь, нежели внушившаго страхъ, ибо любовь поддерживается лишь отношеніемъ обязанности, которое порывается вслѣдствіе порочности людей при всякомъ столкновеніи съ личнымъ интересомъ, страхъ же держится боязнью наказанія, которая никогда не прекращаетъ своего дѣйствія. Однако Князь долженъ внушать страхъ такимъ образомъ, чтобы, если и не пріобрѣсти любви, то избѣжать ненависти, ибо страхъ и отсутствіе ненависти могутъ отлично ужиться вмѣстѣ, и онъ всегда достигнетъ этого, если не будетъ посягать на имущество своихъ согражданъ и подданыхъ и на ихъ женъ. Даже когда Князь считаетъ нужнымъ лишить кого-нибудь жизни, онъ можетъ сдѣлать это, если на лицо имѣются оправдывающія это обстоятельства и явное основаніе, но онъ долженъ остерегаться посягать на чужое имущество, ибо люди скорѣе забудутъ смерть отца, нежели лишеніе вотчины. Затѣмъ поводы къ отнятію имущества всегда будутъ въ достаточномъ количествѣ, и всегда тотъ,

кто начнетъ жить грабежомъ, найдетъ поводъ захватить чужое, и, наоборотъ, поводы къ лишенію жизни болѣе рѣдки и отсутствіе ихъ явленіе болѣе частое.

Но когда Князь находится въ главѣ войска, и подъ его начальствомъ имѣется большое количество солдатъ, тогда совершенно необходимо не считаться со славой жестокаго, ибо безъ такой славы нельзя поддерживать въ войскѣ ни единенія, ни духа предпріимчивости. Въ число удивительныхъ дѣяній Ганнибала занесено и то, что ни разу въ его дикомъ войскѣ, которое представляло собой смѣсь безчисленныхъ племенъ и отправлялось воевать въ чужія страны, не поднялось ни расприи между отдѣльными племенами, ни возстанія противъ Князя, какъ во дни его неудачи, такъ и удачи. Это можетъ быть объяснено только его безчеловѣчной жестокостью, которая, вмѣстѣ съ его безчисленными доблестями, поднимала его въ глазахъ солдатъ и дѣлала его предметомъ ужаса; и безъ этой жестокости другія его доблести не могли бы сами по себѣ привести къ подобному результату. Недостаточно же вдумчивые писатели съ одной стороны удивляются его дѣяніямъ, съ другой—клянутъ ихъ главную причину. А что въ самомъ дѣлѣ остальныя его доблести были бы для него недостаточны,—въ этомъ можно убѣдиться на примѣрѣ Сципіона (рѣдчайшаго человѣка не только для своего времени, но и во всей исторіи человѣчества), войска котораго возмутились въ Испаніи, что объясняется его излишнимъ мягкосердечіемъ, вслѣдствіе котораго онъ давалъ солдатамъ больше воли, нежели допустимо военной дисциплиной. Такой упрекъ бросилъ ему въ сенатѣ Фабій Максимъ,

назвавъ его развратителемъ римскихъ войскъ. Локрійцы, разоренные однимъ изъ легатовъ Сципіона, не нашли у него защиты, и легатъ не понесъ кары за свое безчинство — и все это объясняется покладистостью его натуры; и когда одинъ изъ сенаторовъ хотѣлъ сказать что-нибудь въ его оправданіе, то замѣтилъ, что есть люди, которые лучше умѣютъ не погрѣшать сами, нежели исправлять чужія прегрѣшенія. Такая натура со временемъ сильно умалила бы громкую славу Сципіона, если бы онъ, не измѣняя ей, стоялъ у кормила правленія; но такъ какъ онъ жилъ подъ правленіемъ сената, то это его пагубное свойство не только не произвело своего дѣйствія, но послужило къ вящщей его славѣ. Итакъ, возвращаясь въ заключеніе къ любви и страху, я говорю, что, такъ какъ любятъ всѣ люди по своей указкѣ, а страшатся по указкѣ Князя, то мудрый Князь долженъ опираться на то, что зависитъ отъ него, а не отъ другихъ; онъ долженъ только, какъ было сказано, беречься ненависти.

Глава XVIII.

Какъ Князья должны хранить вѣрность своимъ обѣщаніямъ.

Каждый понимаетъ, насколько похвально было бы для Князя хранить вѣрность своимъ обѣщаніямъ и жить по-честному, безъ лукавства. Однако опытъ нашего времени показалъ, что великія дѣла

совершались тѣми Князьями, которые мало считались съ вѣрностью обѣщаніямъ, умѣли лукавствомъ опутать людей и такимъ образомъ въ концѣ концовъ взяли верхъ надъ тѣми, которые полагались на порядочность.

Итакъ слѣдуетъ имѣть въ виду, что есть два рода борьбы: одинъ посредствомъ законовъ, другой — силы. Первый свойствененъ людямъ, второй — животнымъ; но такъ какъ первый часто оказывается недостаточнымъ, то приходится прибѣгать ко второму. Поэтому Князю необходимо умѣть пользоваться пріемами и животнаго, и человѣка. Съ такимъ наставленіемъ, хотя и не высказаннымъ ясно, обращались къ Князьямъ древніе писатели, которые писали, что Ахиллъ и многіе другіе изъ этихъ древнихъ Князей были отданы на воспитаніе Центавру Хирону, чтобы они взросли подъ его присмотромъ: здѣсь это наставничество получеловѣка - полузвѣря имѣетъ только тотъ смыслъ, что Князю слѣдуетъ усвоить какъ ту, такъ и другую природу, и одна безъ другой недолговѣчна. Итакъ, если Князь вынужденъ научиться пріемамъ животнаго, то онъ долженъ изъ числа ихъ выбрать лису и льва, ибо левъ не можетъ защититься отъ змѣй, лиса отъ волковъ. Слѣдовательно, нужно быть лисой, чтобы разглядѣть змѣй, и львомъ, чтобы расправиться съ волками. Тѣ, которые имѣютъ въ виду только львовъ, не понимаютъ положенія вещей.

Поэтому благоразумный властитель не можетъ соблюсти вѣрность своему обѣщанію, если такое соблюденіе должно обратиться противъ него самого, и если исчезли причины, побудившія его дать обѣщаніе. Если бы всѣ люди были хороши, то та-

кое предписаніе было бы нехорошимъ, но такъ какъ они дурны и по отношенію къ тебѣ не станутъ соблюдать своихъ обѣщаній, то и ты не долженъ соблюдать своихъ по отношенію къ нимъ. И никогда у Князя не будетъ недостатка въ законныхъ причинахъ для того, чтобы замаскировать свое несоблюденіе. Этому можно привести безчисленное множество примѣровъ и показать, сколько мирныхъ договоровъ, сколько соглашеній остались мертвой буквой вслѣдствіе вѣроломства Князей, и кто лучше умѣлъ разыграть лису, тому это лучше удавалось. Необходимо однако хорошо замаскировать эту природу и быть великимъ притворщикомъ; люди же настолько простоваты и настолько во власти настоятельныхъ потребностей даннаго момента, что обманувшій разъ всегда найдетъ того, кто позволитъ провести себя вторично. Изъ примѣровъ недавняго времсни я упомяну только объ одномъ. Александръ VI только и дѣлалъ, что обманывалъ людей, и всегда находилъ тѣхъ, надъ кѣмъ можно было это продѣлывать; и никогда не было человѣка, болѣе способнаго убѣждать другихъ и который бы бóльшими клятвами завѣрялъ въ чемъ-нибудь и менѣе исполнялъ обѣщанное. Однако обманы всегда сходили ему съ рукъ, ибо онъ зналъ хорошо эту сторону людей.

Итакъ, Князю нѣтъ необходимости имѣть всѣ вышеназванныя свойства, но весьма необходимо казаться обладающимъ ими. Болѣе того, я рѣшусь даже сказать, что, если всегда строго держаться ихъ, то они опасны, если же только казаться, что имѣешь ихъ, то они полезны; такъ полезно казаться милосерднымъ, вѣрнымъ своимъ обѣщаніямъ, человѣчнымъ, религіознымъ, чисто-

сердечнымъ, да и быть такимъ, однако слѣдуетъ настолько владѣть собой, чтобы въ случаѣ нужды и не быть таковымъ, мочь и умѣть измѣнить эти качества въ противоположныя. И нужно имѣть въ виду, что Князь, и въ особенности новый Князь, не можетъ держаться всего того, за что люди слывутъ хорошими, такъ какъ часто для удержанія государства онъ поставленъ въ необходимость дѣйствовать вопреки вѣрности, вопреки любви къ ближнему, вопреки человѣчности, вопреки религіи. И потому ему необходимо обладать духомъ, настолько гибкимъ, чтобы принимать направленія, указываемыя вѣтромъ и оборотомъ судьбы и, какъ я замѣтилъ выше, не уклоняться отъ пути добра, если это возможно, но умѣть вступить на путь зла, если это необходимо. Князь, слѣдовательно, долженъ очень позаботиться о томъ, чтобы съ его устъ не срывалось ни одного слова, не преисполненнаго вышеупомянутыхъ пяти свойствъ, и чтобы онъ казался, если его послушать и посмотрѣть, воплощеннымъ милосердіемъ, воплощенной честностью, человѣчностью, религіозностью. И болѣе всего необходимо казаться обладающимъ этимъ послѣднимъ свойствомъ; людямъ же, вообще говоря, приходится болѣе полагаться въ своихъ сужденіяхъ на чувство зрѣнія, нежели на чувство осязанія, ибо видятъ всѣ, въ болѣе же тѣсное соприкосновеніе приходятъ лишь немногіе. Каждый видитъ то, чѣмъ ты кажешься, немногіе чувствуютъ то, что ты есть, и эти немногіе не рѣшатся выступить противъ мнѣнія толпы, имѣющей еще на своей сторонѣ все величіе государства; кромѣ того, дѣйствія всѣхъ людей и въ особенности Князей, относительно которыхъ нельзя обратиться къ суду, обсуждаются

въ зависимости отъ конечнаго исхода. Пусть поэтому Князь озаботится только о побѣдѣ и объ удержанiи государства, средства же къ этому всегда будутъ почитаться достойными, и каждый будетъ хвалить ихъ, ибо чернь всегда увлекается внѣшностью и исходомъ дѣла; на свѣтѣ же чернь—это все, а отдѣльныя личности только тогда прiобрѣтаютъ значенiе, когда большинство не знаетъ на чемъ остановиться. Одинъ находящiйся еще въ живыхъ Князь, называть котораго по имени неудобно, твердитъ только о мирѣ и вѣрности, а на самомъ дѣлѣ величайшiй врагъ того и другого, и если бы онъ хранилъ то и другое, то давно лишился бы государства и славы.

Глава XIX.

О томъ, что слѣдуетъ избѣгать возбужденiя презрѣнiя и ненависти.

Такъ какъ о наиболѣе важныхъ изъ упомянутыхъ свойствъ я уже сказалъ, то теперь я хочу вкратцѣ разсмотрѣть остальныя подъ тѣмъ общимъ угломъ зрѣнiя, что Князь (какъ уже отчасти было замѣчено выше) долженъ избѣгать всего того, что возбуждаетъ къ нему презрѣнiе и ненависть; и если онъ только избѣжитъ этого, то онъ свое дѣло сдѣлаетъ, и ему не будутъ страшны упреки относительно остального. Ненависть къ нему возбуждаютъ раньше всего; какъ я уже сказалъ, хищничество и посягательство на имущество и женъ своихъ под-

даныхъ, и отъ этого ему слѣдуетъ воздерживаться. И если только людей въ ихъ совокупности не лишать имущества и чести, то они удовлетворены, и бороться приходится только съ честолюбіемъ отдѣльныхъ лицъ, обуздать которыхъ не трудно. Презрѣніе возбуждаетъ Князь тогда, когда молва считаетъ его непостояннымъ, легкомысленнымъ, малодушнымъ, нерѣшительнымъ,—чего Князь долженъ беречься, какъ огня. Онъ долженъ приложить всѣ старанія къ тому, чтобы его рѣшеніе было безповоротно, и чтобы общее мнѣніе о немъ было таково, что никому и въ голову не придетъ обмануть или провести его. Князь, составившій себѣ такое имя, пользуется высокимъ уваженіемъ; противъ такого Князя труднѣе составить заговоръ и труднѣе напасть на него, ибо всѣ знаютъ, что онъ человѣкъ выдающихся дарованій и пользуется уваженіемъ со стороны своихъ подданыхъ. Вѣдь Князю грозитъ двоякая опасность: одна извнутри—со стороны подданыхъ, другая извнѣ—со стороны чужеземныхъ владыкъ. Отъ этихъ послѣднихъ его защищаютъ хорошія войска и хорошіе друзья; хорошіе же друзья всегда будутъ, если будутъ хорошія войска, и всегда положеніе внутреннихъ дѣлъ будетъ прочно при прочности внѣшнихъ, если только они уже не были разстроены заговоромъ. Если Князь устроилъ свою жизнь такъ, какъ я сказалъ, то онъ выдержитъ (онъ не долженъ только терять головы) всякій натискъ даже тогда, когда внѣшнія дѣла пошатнутся, какъ это было съ Набидомъ спартанскимъ. Что касается подданыхъ, то, при прочномъ положеніи внѣшнихъ дѣлъ, Князь долженъ опасаться тайнаго заговора съ ихъ стороны. Князь весьма обезопаситъ себя съ этой стороны, если избѣжитъ нена-

висти и презрѣнія и возбудитъ въ народѣ удовлетворенность своимъ правленіемъ, чего необходимо добиться, какъ я уже подробно говорилъ выше. Вѣдь всегда заговорщики надѣются смертью Князя доставить удовлетвореніе народу; и если бы они были убѣждены, что этимъ оскорбятъ народъ, то у нихъ не хватило бы духа принять подобное рѣшеніе, ибо трудности, представляющіяся заговорщикамъ, безконечны. Опытъ учитъ, что многіе составляли заговоры, но лишь немногіе добивались успѣха, ибо заговорщикъ не можетъ оставаться одинъ и не можетъ взять въ товарищи никого, кромѣ тѣхъ, кого онъ считаетъ недовольными. Но тѣмъ самымъ, что онъ откроетъ недовольному свой замыселъ, онъ дастъ ему возможность устроить свои дѣла какъ нельзя лучше, ибо выдача заговорщика сулитъ ему всевозможныя выгоды. Такимъ образомъ тотъ, кто сохранитъ вѣрность заговорщику, хотя съ одной стороны его ждетъ вѣрный выигрышъ, съ другой сомнительный и полный риска, доженъ быть или рѣдкимъ другомъ заговорщика, или же закоренѣлымъ врагомъ Князя. Чтобы выразить свою мысль въ нѣсколькихъ словахъ, я скажу, что на сторонѣ заговорщика страхъ, опасеніе понести наказаніе, лишающіе его энергіи, на сторонѣ же Князя величіе его власти, законъ, защита друзей и государства, охраняющіе его, такъ что, если прибавить ко всему этому расположеніе народа, то трудно допустить, чтобы кто-нибудь отважился на заговоръ. Вѣдь обыкновенно заговорщику приходится бояться только до выполненія своего замысла, въ этомъ же случаѣ и послѣ, такъ какъ по совершеніи злодѣянія его врагомъ будетъ народъ, отъ котораго ему не скрыться.

Примѣровъ этому можно привести безчисленное множество, но я хочу довольствоваться однимъ, имѣвшимъ мѣсто на памяти нашихъ отцовъ. Когда мессеръ Аннибале Бентивольи, дѣдъ теперешняго мессера Аннибале, бывшій Княземъ въ Болоньѣ, былъ убитъ партіей Каннески, устроившей противъ него заговоръ, то послѣ него остался только мессеръ Джіованни еще въ младенческомъ возрастѣ; но тотчасъ же послѣ этого преступленія народъ поднялся и перебилъ всѣхъ Каннески. Это объясняется тѣмъ расположеніемъ народа, которымъ въ то время пользовался въ Болоньѣ домъ Бентивольи. Расположеніе это было настолько велико, что, когда, по смерти Аннибале, не осталось никого, кто бы могъ управлять государствомъ, граждане Болоньи, узнавъ, что во Флоренціи живетъ отпрыскъ дома Бентивольи, слывшій до того времени за сына кузнеца, явились къ нему во Флоренцію и предложили ему встать во главѣ управленія ихъ городомъ; онъ и управлялъ ими до тѣхъ поръ, пока мессеръ Джіованни не достигъ возраста способнаго къ управленію. Въ заключеніе я скажу, что Князь можетъ не бояться заговора, если народъ къ нему расположенъ; если же народъ враждебно относится къ нему и его ненавидитъ, то онъ долженъ бояться всего и каждаго. И всѣ хорошо устроенныя государства, равно какъ и мудрые Князья, со всякой заботливостью стремились къ тому, чтобы не довести знать до отчаянія, народъ же удовлетворить и сдѣлать довольнымъ, ибо это является одной изъ важнѣйшихъ задачъ Князя. Франція—одно изъ хорошо устроенныхъ и управляемыхъ королевствъ нашего времени, и въ ней имѣется великое множество хорошихъ учрежденій, отъ которыхъ зависитъ

свобода и безопасность короля. Первымъ изъ нихъ является парламентъ и его авторитетъ. Дѣло въ томъ, что устроитель этого королевства, съ одной стороны зная честолюбіе знати и ея необузданность и считая необходимымъ надѣть на нее узду, чтобы исправить ее, съ другой — зная основанную на страхѣ ненависть массъ къ знати и желая оградить ее отъ посягательствъ, не желалъ однако, чтобы это было личной заботой короля; такимъ образомъ онъ думалъ избавить короля отъ хлопотъ со знатью, которыя были бы неизбѣжны для него, если бы онъ покровительствовалъ народу, и отъ таковыхъ же съ народомъ, если бы онъ покровительствовалъ знати. Поэтому онъ установилъ третьяго судьей между ними, чтобы этотъ послѣдній безъ обремененія короля сдерживалъ бы знать и покровительствовалъ слабымъ. Невозможно ни лучшее устройство, чѣмъ это, ни болѣе благоразумное, ни болѣе способствующее безопасности короля и королевства. Изъ всего этого можно вывести то достойное вниманія правило, что Князь долженъ неблагодарныя задачи возлагать на другихъ, благодарныя же брать на себя. И снова повторю, что Князь долженъ уважать знать, но не дѣлать себя ненавистнымъ народу.

Многимъ могло бы показаться, что разсмотрѣніе жизни и смерти многихъ римскихъ императоровъ доставитъ примѣры, противорѣчащіе этимъ моимъ утвержденіямъ; вѣдь нѣкоторые изъ нихъ, всю жизнь проведшіе превосходно и выказавшіе великую доблесть духа, все же лишились власти и даже были убиты своими подданными, составившими противъ нихъ заговоръ. Имѣя въ виду отвѣтъ на эти возраженія, я разберу свойства нѣкоторыхъ изъ этихъ

императоровъ, указывая также на причину ихъ гибели, не расходящуюся съ тѣмъ, что было сказано мной; мимоходомъ же я выскажу нѣсколько соображеній относительно вещей, на которыя долженъ обратить вниманіе изучающій событія этого времени. Я хочу ограничиться примѣрами тѣхъ императоровъ, которые смѣняли другъ друга въ промежутокъ между Маркомъ Философомъ и Максиминомъ; это были Маркъ, его сынъ Коммодъ, Пертинаксъ, Юліанъ, Северъ, Антонинъ, его сынъ Каракалла, Макринъ, Геліогобалъ, Александръ и Максиминъ. Раньше всего слѣдуетъ замѣтить, что, въ то время какъ въ другихъ княжествахъ приходится бороться только съ честолюбіемъ знати и необузданностью народа, римскіе императоры имѣли передъ собой третью трудность, такъ какъ имъ приходилось переносить жестокости и алчность солдатъ. Послѣднее было настолько затруднительно, что послужило причиною гибели для многихъ, ибо удовлетворить одновременно и солдатъ, и народъ трудно: народъ любитъ спокойствіе и потому любитъ кроткихъ Князей, солдаты же любятъ Князя воинственнаго, безудержнаго и склоннаго къ жестокости и грабежу. Солдаты желаютъ, чтобы онъ проявилъ эти свойства на народѣ, чтобы имѣть возможность получать удвоенное жалованье и дать волю своей алчности и жестокости. Такимъ образомъ и произошло, что тѣ императоры, которымъ ни природа, ни искусство не помогли пріобрѣсти уваженія, достаточнаго для того, чтобы обуздывать и войско, и народъ, всегда погибали; и большинство ихъ, въ особенности же тѣ, которые достигали власти своими личными силами, понимая трудность совмѣщенія этихъ двухъ противоположныхъ стрем-

леній, рѣшались потакать войску, не останавливаясь даже передъ притѣсненіемъ народа. Такое рѣшеніе было необходимо, ибо Князья, не имѣя возможности избѣжать ненависти со стороны кого-нибудь, должны раньше всего постараться избѣжать ненависти всѣхъ въ совокупности, и если это для нихъ недостижимо, то они должны приложить всѣ старанія къ тому, чтобы избѣжать ненависти наиболѣе могущественныхъ группъ. И потому тѣ императоры, которые, вслѣдствіе новизны для нихъ ихъ положенія, нуждались въ особомъ расположеніи, болѣе охотно становились на сторону солдатъ, нежели народа—что обращалось къ ихъ выгодѣ или невыгодѣ, смотря по тому, насколько данный Князь умѣлъ поставить себя съ солдатами. Вышеуказанными причинами объясняется то, что Маркъ, Пертинаксъ и Аврелій — все люди скромной жизни, друзья справедливости, враги жестокости, человѣчные и мягкіе—всѣ,кромѣ Марка, кончили плохо. Одинъ лишь Маркъ и жилъ, и умеръ въ почетѣ, ибо онъ воспріялъ власть по наслѣдованію и не былъ обязанъ ею ни солдатамъ, ни народу; затѣмъ, обладая многими доблестями, внушившими къ нему высокое уваженіе, онъ всегда держалъ и солдатъ, и народъ въ должныхъ границахъ и никогда не былъ предметомъ ни ненависти, ни презрѣнія. Пертинаксъ же былъ избранъ императоромъ противъ воли солдатъ, которые, привыкнувъ при Коммодѣ къ распущенной жизни, не могли примириться съ той скромной жизнью, къ которой хотѣлъ пріучить ихъ Пертинаксъ. Такимъ образомъ онъ возбудилъ противъ себя ненависть, къ которой затѣмъ присоединилось презрѣніе къ его дряхлости, и онъ погибъ уже въ самомъ началѣ своего правленія.

Здѣсь слѣдуетъ отмѣтить, что ненависть возбуждается такъ же хорошими дѣлами, какъ и дурными, и потому, какъ я уже сказалъ выше, Князь, если онъ хочетъ удержать государство, часто вынужденъ не быть хорошимъ, ибо, когда тѣ группы – будь то солдаты, народъ или знать—въ поддержкѣ которыхъ онъ, по его мнѣнію, нуждается, развращены, то ему приходится слѣдовать ихъ склонностямъ и исполнять ихъ желанія; при такомъ условіи хорошія дѣла являются для него гибельными. Но перейдемъ къ Александру. Онъ былъ настолько добръ, что (какъ упоминаютъ объ этомъ среди расточаемыхъ ему похвалъ) въ теченіе 14 лѣтъ своего властвованія никого не казнилъ безъ суда. Однако же войско составило заговоръ противъ него и убило его, такъ какъ онъ слылъ человѣкомъ изнѣженнымъ и позволявшимъ своей матери управлять собой и потому подвергся презрѣнію.

Если мы разсмотримъ теперь, для противоположенія, свойства Коммода, Севера, Антонина, Каракаллы и Максимина, то найдемъ, что они были людьми чрезвычайно жестокими и склонными къ хищничеству; чтобы угодить солдатамъ, они не оставливались ни передъ какой несправедливостью, которую только можно было учинить надъ народомъ. Всѣ они, кромѣ Севера, кончили плохо. Доблесть же Севера была настолько велика, что, поддерживая дружескія отношенія съ солдатами, онъ, несмотря на то, что угнеталъ народъ, могъ всегда править счастливо; эта его доблесть внушала солдатамъ и народу такое удивленіе, что послѣдній, пораженный имъ, оставался какъ бы въ оцѣпененіи, первые же чтили его и были имъ довольны. И такъ какъ онъ, какъ новый Князь, былъ великъ въ своихъ дѣй-

ствіяхъ, то я хочу вкратцѣ показать, насколько онъ обладалъ искусствомъ перевоплощенія въ льва и лису, т. е. тѣ типы животныхъ, которымъ, какъ и замѣтилъ выше, долженъ подражать Князь. Северъ, зная безпечность императора Юліана, убѣдилъ свое войско, которымъ онъ начальствовалъ въ Славоніи, въ томъ, что слѣдуетъ пойти на Римъ и отомстить за смерть Пертинакса, который только что былъ убитъ гвардіей; подъ этимъ предлогомъ, онъ, не выдавая своихъ плановъ на захватъ власти, двинулъ войска на Римъ и въ Италіи былъ раньше, нежели туда дошелъ слухъ о его походѣ. Когда онъ подошелъ къ Риму, перепуганный сенатъ избралъ его императоромъ, Юліанъ же былъ убитъ. Послѣ такого начала для Севера, если онъ желалъ овладѣть всѣмъ государствомъ, необходимо было разрѣшить двѣ трудныя задачи: первую въ Азіи, гдѣ Нигеръ, предводительсвовавшій азіатскими войсками, заставилъ объявить себя императоромъ, вторую на западѣ, гдѣ находился Альбинъ, также стремившійся къ власти. Считая опаснымъ вступить въ открытую борьбу съ тѣмъ и другимъ, онъ рѣшилъ напасть на Нигера и обмануть Альбина, которому онъ написалъ, что, такъ какъ сенатъ избралъ его императоромъ, то онъ хочетъ раздѣлить съ нимъ эту честь и, даруя ему титулъ Цезаря, дѣлаетъ его, согласно рѣшенія сената, своимъ коллегой. Альбинъ принялъ все это за чистую монету. Но когда Северъ побѣдилъ и убилъ Нигера и уладилъ дѣло на востокѣ, онъ вернулся въ Римъ и принесъ въ сенатъ жалобу на Альбина, который яко-бы, вмѣсто признательности за оказанное ему благодѣяніе, замышляетъ измѣнчески убить его; поэтому онъ вынужденъ пойти на него и наказать его за небла-

годарность. Затѣмъ онъ отыскалъ его во Франціи и лишилъ его власти и жизни.

Кто разсмотритъ внимательно дѣйствія Севера, тотъ убѣдится въ томъ, что онъ былъ отважнѣе льва и хитрѣе лисы, и что всѣ его боялись и уважали, войско же не питало къ нему ненависти, и потому ие станетъ удивляться тому, что онъ, личными усиліями достигшій трона, могъ удержать за собою такую власть: его необычайная слава всегда защищала его противъ той ненависти, которую могъ бы изъ-за его поборовъ питать къ нему народъ. Антонинъ же, его сынъ, еще превзошелъ его, обладая качествами, которыя обезпечивали удивленіе народа и привязанность солдатъ: онъ былъ человѣкомъ воинственнымъ, шутя переносилъ всѣ труды, пренебрегалъ изысканной пищей и всякими удобствами—и это обезпечивало для него любовь войска. Однако его дикость и жестокость были столь велики и неслыханы (послѣ многихъ отдѣльныхъ казней онъ умертвилъ большую часть населенія Рима и все населеніе Александріи), что онъ сталъ ненавистенъ всему свѣту и началъ внушать страхъ своимъ приближеннымъ, такъ что въ концѣ концовъ онъ былъ убитъ однимъ центуріономъ на глазахъ войска. Здѣсь слѣдуетъ замѣтить, что отъ подобныхъ убійствъ, замышленныхъ и приводимыхъ въ исполненіе человѣкомъ рѣшительнымъ и непреклоннымъ, Князья не могутъ считать себя въ безопасности, такъ какъ ихъ можетъ совершить каждый небоящійся смерти человѣкъ, но Князья не должны ихъ бояться; ибо таковыя очень рѣдки. Они должны только стараться не причинять тяжкой обиды кому-либо изъ своихъ приближенныхъ и тѣхъ, кто состоитъ на ихъ службѣ, какъ это сдѣ-

лалъ Антонинъ, который подвергъ позорнѣйшей казни брата этого центуріона, ему самому угрожалъ каждый день и тѣмъ не менѣе держалъ его въ своей охранѣ; этотъ образъ дѣйствій былъ необдуманъ и долженъ былъ его погубить, какъ оно и вышло на самомъ дѣлѣ.

Но перейдемъ къ Коммоду, которому, какъ сыну Марка, было очень легко удержать власть, переходящую къ нему по наслѣдству, и ему слѣдовало только итти по стопамъ отца, чтобы удовлетворить народъ и солдатъ. Но такъ какъ онъ по характеру былъ звѣрски жестокъ, то, чтобы имѣть возможность удовлетворить на народѣ свои хищническія склонности, онъ началъ потворствовать войскамъ и пріучать ихъ къ распущенности; съ другой стороны онъ часто, не считаясь со своимъ достоинствомъ, появлялся на аренѣ для битвы съ гладіаторами и совершалъ много другихъ низостей, мало отвѣчавшихъ величію его сана, чѣмъ сталъ возбуждать презрѣніе у солдатъ. И вотъ, когда онъ съ одной стороны являлся предметомъ ненависти, а съ другой—презрѣнія, противъ него составился заговоръ, и онъ былъ убитъ.

Остается разсмотрѣть свойства Максимина. Это былъ человѣкъ очень воинственный, и такъ какъ войска тяготились слабостью Александра, о которой я упоминалъ, то послѣ его смерти они избрали императоромъ Максимина. Но онъ недолго продержался у власти, ибо два обстоятельства дѣлали его ненавистнымъ и презрѣннымъ. Во-первыхъ, онъ былъ самаго низкаго происхожденія, такъ какъ раньше пасъ свиней въ Ѳракіи (а это было всѣмъ доподлинно извѣстно и очень унижало его въ глазахъ всѣхъ), во-вторыхъ, отложивъ въ началѣ сво-

его правленія походъ на Римъ и фактическое завладѣніе императорскимъ престоломъ, онъ прослылъ очень жестокимъ, такъ какъ черезъ своихъ ставленниковъ въ Римѣ и другихъ мѣстахъ имперіи совершилъ много жестокостей. И такимъ образомъ, когда весь свѣтъ съ одной стороны былъ охваченъ презрѣніемъ къ низости его происхожденія, съ другой ненавистью, внушаемой страхомъ передъ его дикостью, противъ него возстали сначала Африка, затѣмъ сенатъ со всѣмъ населеніемъ Рима и всей Италіи. Къ нимъ присоединилось его собственное войско, занятое въ то время осадой Аквилеи. Войско, встрѣтившее трудности въ завоеваніи этого города, тяготившееся жестокостью Максимина и менѣе боявшееся его при видѣ столь могущественныхъ враговъ, убило его.

Я не хочу распространяться ни о Геліогобалѣ, ни о Макринѣ, ни объ Юліанѣ, которые, не внушая ничего, кромѣ презрѣнія, быстро освобождали тронъ. Но въ заключеніе этой главы я скажу, что Князьямъ нашего времени въ ихъ правленіи менѣе ощутительна эта трудность чрезмѣрнаго угожденія солдатамъ, ибо хотя имъ и приходится считаться съ ними, однако эту задачу они разрѣшаютъ довольно легко, такъ какъ ни одинъ изъ нихъ не имѣетъ войскъ, которыя сроднились бы съ управленіемъ и администраціей отдѣльныхъ провинцій, какъ это имѣло мѣсто въ римской имперіи; и потому тогда было необходимо болѣе угождать солдатамъ, чѣмъ народу, такъ какъ солдаты были сильнѣе народа, теперь же для всѣхъ Князей, за исключеніемъ Султана и властителя Египта, болѣе необходимо угождать народу, такъ какъ народъ могущественнѣе солдатъ. Я дѣлаю исключеніе для Султана, имѣя въ виду, что

онъ всегда имѣетъ около себя около двѣнадцати тысячъ пѣхотинцевъ и пятнадцати тысячъ кавалеріи, отъ которыхъ зависитъ безопасность и крѣпость его царства; ему необходимо поэтому поддерживать дружескія отношенія съ ними, отодвинувъ на задній планъ всѣ заботы о народѣ. Въ подобномъ же положеніи и властитель Египта. Находясь всецѣло въ рукахъ солдатъ, онъ также долженъ поддерживать дружескія отношенія съ ними, забывъ и думать о народѣ. Слѣдуетъ отмѣтить, что египетское государство не похоже на всѣ другія княжества, но подобно папству, и не можетъ быть названо ни новымъ, ни наслѣдственнымъ княжествомъ, ибо не сыновья умершаго Князя остаются наслѣдниками и властителями, а тѣ, которые избираются для этого сана лицами, имѣющими соотвѣтственныя полномочія. И такъ какъ этотъ порядокъ освященъ временемъ, то оно не можетъ быть названо новымъ княжествомъ, ибо въ немъ не имѣется тѣхъ трудностей, которыя имѣются въ новомъ; хотя Князь и является новымъ, однако учрежденія этого государства древни и приноровлены къ тому, чтобы обезпечить ему положеніе наслѣдственнаго властителя.

Возвращаясь къ нашему предмету, я скажу, что всякій, вникнувшій въ это разсужденіе, убѣдится въ томъ, что причиной гибели вышеназванныхъ императоровъ являлись или презрѣніе, или ненависть, и пойметъ, почему нѣкоторые изъ нихъ дѣйствовали извѣстнымъ образомъ, другіе прямо противоположнымъ, и, какъ при первомъ, такъ и при второмъ, одни были счастливы, другіе же кончали плохо. Дѣло въ томъ, что для Пертинакса и Александра, какъ новыхъ Князей, было совершенно

безполезно и опасно желать подражать Марку, который былъ наслѣдственнымъ Княземъ; и, равнымъ образомъ, для Каракаллы, Коммода и Максимина было пагубно подражать Северу, ибо они не обладали доблестями, необходимыми для того, чтобы итти по его стопамъ. Итакъ, новый Князь не можетъ подражать дѣйствіямъ Марка, и ему не слѣдуетъ подражать дѣйствіямъ Севера. Но у Севера онъ долженъ позаимствовать то, что необходимо для установленія его власти, а у Марка то, что способно со славой сохранить власть, уже установленную и крѣпкую.

Глава XX.

О томъ, полезны ли крѣпости и многое другое, чѣмъ часто пользовались Князья.

Нѣкоторые Князья, чтобы вѣрнѣе удержать государство, обезоруживали своихъ подданыхъ, другіе поддерживали партійную рознь въ подвластныхъ странахъ, третьи старались внушить вражду къ самимъ же себѣ; нѣкоторые рѣшались переманить на свою сторону тѣхъ, кто былъ у нихъ подъ подозрѣніемъ въ началѣ ихъ правленія, другіе строили крѣпости, третьи ихъ уничтожали и разрушали. И хотя всему этому нельзя вынести окончательнаго приговора, если не входить въ разсмотрѣніе особенностей тѣхъ государствъ, гдѣ должны быть приняты подобныя мѣры, однако я буду говорить настолько обще, насколько позволитъ самый предметъ.

Итакъ, никогда не бывало, чтобы новые Князья

обезоруживали своихъ подданыхъ; напротивъ, когда они находили ихъ безоружными, они всегда вооружали ихъ. Ибо оружіе, которымъ Князь снабжаетъ ихъ, становится его собственнымъ: тѣ, которые находились подъ подозрѣніемъ, переходятъ на его сторону, а тѣ, которые были на его сторонѣ, еще болѣе привязываются и изъ его подданыхъ становятся его приверженцами. И такъ какъ нельзя вооружить всѣхъ подданыхъ, то, оказавъ однимъ подобную милость, Князь можетъ уже, съ меньшимъ рискомъ для себя, раздѣлываться съ другими. Та разница въ обращеніи, которую почувствуютъ первые по отношенію къ себѣ, обяжетъ ихъ передъ Княземъ; другіе же не будутъ винить его, понимая необходимость того, чтобы тѣ, кто подвергается большимъ опасностямъ и имѣетъ больше обязанностей, пользовались бы и большими преимуществами.

Разоружая же своихъ подданыхъ, Князь начинаетъ оскорблять ихъ и обнаруживаетъ свое недовѣріе къ нимъ, проистекающее или изъ трусости, или изъ мнительности,—а какъ то, такъ и другое мнѣніе о Князѣ возбуждаетъ противъ него ненависть. И такъ какъ Князь не можетъ оставаться безоружнымъ, то ему придется обратиться къ наемному войску, о достоинствѣ котораго мы говорили выше — и если бы оно даже было хорошимъ, оно все же не могло бы быть настолько велико, чтобы защитить и противъ могущественныхъ враговъ, и противъ подданныхъ, объявленныхъ подъ подозрѣніемъ. Поэтому новые Князья въ новомъ княжествѣ всегда, какъ я уже сказалъ, заботятся о вооруженіи послѣдняго. Подобными примѣрами полна исторія всѣхъ народовъ. Но когда Князь

пріобрѣтаетъ новое государство, которое онъ, какъ составную часть, присоединяетъ къ прежнему, тогда необходимо его обезоружить, сдѣлавъ исключеніе для тѣхъ, кто способствовалъ его пріобрѣтенію. Но и этихъ послѣднихъ надлежитъ, пользуясь временемъ и обстоятельствами, сдѣлать изнѣженными и женоподобными и устроить такимъ образомъ, чтобы все оружіе государства находилось въ рукахъ собственныхъ солдатъ Князя, живущихъ возлѣ него, въ его исконномъ государствѣ.

Наши предки (и тѣ именно, которые слыли мудрыми) имѣли обыкновеніе говорить, что Пистойю слѣдуетъ удерживать, пользуясь враждою партій, Пизу же съ помощью крѣпостей, и поэтому они поддерживали въ нѣкоторыхъ подвластныхъ странахъ рознь, чтобы облегчить обладаніе ими. Въ то время, когда Италія находилась въ состояніи нѣкотораго равновѣсія, такой образъ дѣйствій былъ по всей вѣроятности хорошъ, но мнѣ не думается, чтобы его можно было рекомендовать теперь. Я не вѣрю въ то, чтобы поселяемая рознь привела когда-нибудь къ добру; напротивъ, при приближеніи врага городъ, въ которомъ имѣется рознь, неминуемо долженъ пасть; ибо всегда болѣе слабая партія перейдетъ на сторону внѣшняго врага, другая же одна не сможетъ управиться. Венеціанцы, движимые по всей вѣроятности вышеизложенными соображеніями, поддерживали въ подвластныхъ имъ городахъ партіи Гвельфовъ и Гибеллиновъ; и хотя они никогда не допускали кровопролитія, однако они поддерживали въ ихъ средѣ эти разногласія для того, чтобы граждане, занятые своими распрями, не выходили изъ повиновенія имъ. Но это, какъ извѣстно, не помогло имъ, ибо послѣ того,

какъ они были разбиты при Вайла, одна изъ партій подняла голову и сбросила ихъ иго. Подобный образъ дѣйствій обличаетъ слабость Князя, ибо въ сильномъ княжествѣ никогда не можетъ быть допущена подобная рознь, приносящая пользу лишь во время мира, такъ какъ благодаря ей можно легче справиться съ поддаными, но обнаруживающая свою обратную сторону при наступленіи войны.

Несомнѣнно далѣе, что Князья становятся великими, преодолѣвая препятствія и сопротивленіе, оказываемое имъ, и потому судьба, особенно когда она желаетъ возвеличить новаго Князя, который болѣе нуждается въ пріобрѣтеніи громкаго имени, нежели наслѣдственный, создаетъ ему враговъ и понуждаетъ его бороться съ ними, чтобы онъ могъ побѣдить ихъ и подняться выше по ступенямъ лѣстницы, подставленной для него врагами. Поэтому многіе полагаютъ, что мудрый Князь при случаѣ долженъ намѣренно поддерживать подобную вражду, чтобы изъ борьбы съ ней выйти еще болѣе возвеличеннымъ. Князья, и въ особенности новые, находятъ больше преданности и пользы въ тѣхъ людяхъ, которые въ началѣ ихъ властвованія слыли ненадежными, нежели въ тѣхъ, на которыхъ они въ началѣ полагались. Пандольфо Петруччи, князь Сьены, управлялъ своимъ государствомъ болѣе съ помощью тѣхъ, которые казались ему ненадежными, нежели съ помощью другихъ. Но объ этомъ невозможно говорить въ общей формѣ, ибо положеніе дѣла измѣняется смотря по обстоятельствамъ. Я скажу только, что, если тѣ, которые въ началѣ княженія были настроены враждебно, такого рода, что нуждаются въ поддержкѣ,

то Князю всегда будетъ очень легко переманить ихъ на свою сторону; и обыкновенно они вынуждены служить ему вѣрой и правдой, такъ какъ они понимаютъ, насколько имъ необходимо своими дѣлами загладить неблагопріятное мнѣніе, составившееся о нихъ; такимъ образомъ, Князь извлекаетъ изъ нихъ больше пользы, нежели изъ такихъ, которые, служа ему въ полной безопасности, пренебрегаютъ его дѣлами. И такъ какъ самое изложеніе приводитъ меня къ этому, то я не хочу упустить случая напомнить Князю, только что овладѣвшему государствомъ благодаря расположенію лицъ, принадлежащихъ къ составу государства, что онъ долженъ внимательно разсмотрѣть, какія причины побудили благопріятствовать ему тѣхъ лицъ, которые ему благопріятствовали, и если это не есть естественная склонность къ нему, но лишь неудовольствіе прежней властью, то ему будетъ стоить большихъ трудовъ и усилій удержать ихъ дружбу, ибо для него невозможно будетъ удовлетворить ихъ. И обсуждая надлежащимъ образомъ на примѣрахъ, взятыхъ изъ древней и современной жизни, причины этого, онъ увидитъ, что гораздо легче сдѣлать своими друзьями тѣхъ людей, которые были довольны прежней властью, нежели тѣхъ, которые, будучи недовольны, сдѣлались его друзьями и помогли ему захватить государство.

Нерѣдко Князья, чтобы съ бо́льшей безопасностью удерживать государства, строили крѣпости, которыя должны были служить уздой и сдержкой для супротивниковъ Князя и вѣрнымъ убѣжищемъ отъ перваго нападенія. Я хвалю этотъ образъ дѣйствій, ибо онъ примѣняется искони. Однако въ наше время мессеръ Никколо Вителли счелъ за лучшее

разрушить двѣ крѣпости въ Читта да Кастелло, чтобы удержать за собой это государство. Гвидо Гвальдо, герцогъ Урбино, вернувшись въ свое государство, откуда былъ выгнанъ Цезаремъ Борджіа, разрушилъ до основанія всѣ крѣпости въ этой странѣ, полагая, что безъ нихъ онъ не потеряетъ такъ легко этого государства. Партизаны Бентвольи, вернувшись въ Болонью, поступили подобнымъ же образомъ. Итакъ крѣпости полезны или нѣтъ, смотря по обстоятельствамъ, и если они благотворны въ одномъ отношеніи, то пагубны въ другомъ. Разсудить это можно слѣдующимъ образомъ. Тотъ Князь, который боится своего народа болѣе, чѣмъ иноземцевъ, долженъ строить крѣпости, но тотъ, который болѣе боится иноземцевъ, чѣмъ народа можетъ пренебречь ими. Для дома Сфорца миланскій замокъ, выстроенный Франческо Сфорца, послужилъ и послужитъ поводомъ къ бóльшимъ войнамъ, нежели какія-либо другія смуты въ этомъ государствѣ. Поэтому наилучшей крѣпостью изъ возможныхъ является отсутствіе ненависти со стороны народа, ибо, если Князь и имѣетъ крѣпости, но народъ ненавидитъ его, то онѣ его не спасутъ: вѣдь, возьмись только народъ за оружіе, и всегда найдутся чужеземцы, готовые оказать ему помощь.

Въ наши дни крѣпости не принесли пользы ни одному Князю, кромѣ графини Фурли, когда умеръ ея супругъ—графъ; благодаря крѣпости ей удалось избѣжать народной ярости, дождаться помощи изъ Милана и снова захватить государство; обстоятельства же тогда были таковы, что иноземцы не могли помочь народу. Но впослѣдствіи, когда на нее напалъ Цезарь Боружіа и народъ, враждебно относившійся къ ней, перешелъ на сторону чуже-

земца—не помогли и крѣпости. Поэтому и тогда, и раньше было бы для нея безопаснѣе не быть ненавидимой народомъ, нежели имѣть крѣпости. Итакъ, соображая все это, я буду хвалить и тѣхъ, кто строитъ крѣпости, и тѣхъ, кто не дѣлаетъ этого, но буду порицать тѣхъ, кто, полагаясь на нихъ, не будетъ ставить ни во что ненависть народную.

Глива XXI.

Какъ долженъ вести себя Князь, чтобы пріобрѣсти громкое имя.

Ничто не внушаетъ такого уваженія къ Князю, какъ великія дѣла и необычайность проявляемыхъ имъ свойствъ. Въ наши дни можно указать, какъ на примѣръ, на Феррандо, короля арагонскаго, теперяшняго короля испанскаго. Онъ можетъ быть названъ какъ бы новымъ Княземъ, такъ какъ изъ короля слабаго онъ сдѣлался, благодаря доброй молвѣ и славѣ, первымъ королемъ христіанскаго міра; и если мы вникнемъ въ его дѣянія, то найдемъ всѣхъ ихъ преисполненными величія, нѣкоторыя же изъ ряда вонъ выходящими.

Въ началѣ своего правленія онъ напалъ на Гренаду, и это предпріятіе стало основой его власти. Прежде всего слѣдуетъ указать на то, что онъ выбралъ для этой войны удобное время и велъ ее, не боясь помѣхи съ чьей-либо стороны: онъ занялъ ею пылъ кастильскихъ дворянъ, которые, увлекшись войной, не помышляли о нововведеніяхъ, и такимъ образомъ онъ пріобрѣлъ громкое имя и

власть надъ ними, не давъ даже имъ замѣтить этого. Деньги церкви и народа дали ему возможность содержать войска и положить, благодаря этой продолжительной войнѣ, основаніе собственному войску, которое его впослѣдствіи прославило. Кромѣ того, чтобы имѣть возможность затѣять еще болѣе великія предпріятія, всегда прикрываясь религіей, онъ рѣшился на благочестивую жестокость—на изгнаніе мавровъ и полное очищеніе отъ нихъ своего королевства: нельзя указать на мѣру болѣе удивительную и болѣе необычайную. Подъ тѣмъ же самымъ предлогомъ онъ напалъ на Африку, совершилъ походъ на Италію, напалъ, наконецъ, на Францію и, такимъ образомъ, всегда затѣвалъ великія дѣла, которыя всегда держали въ напряженіи и изумленіи его подданыхъ, заинтересованныхъ ихъ исходомъ. И всѣ эти его дѣянія такъ послѣдовательно развивались одно изъ другого, что никогда не давали людямъ времени придти въ себя и противодѣйствовать имъ.

Полезно также для Князя проявлять себя рѣдкостными примѣрами въ дѣламъ внутренняго управленія (вродѣ тѣхъ, которые разсказываютъ о мессерѣ Бернабо изъ Милана), когда какой-нибудь человѣкъ, совершившій что-либо необычайное—въ дурномъ или хорошемъ смыслѣ—для гражданской жизни, даетъ поводъ къ этому, и при его награжденіи или наказаніи избрать такой способъ, о которомъ бы много говорили. И прежде всего Князь долженъ стараться каждымъ своимъ поступкомъ породитъ о себѣ молву, какъ о человѣкѣ великомъ и изъ ряду выходящемъ. Уважаютъ Князя и тогда, когда онъ настоящій врагъ и настоящій другъ, т. е. когда онъ безъ всякихъ оговорокъ объявляетъ

себя за кого-нибудь одного противъ кого-нибудь другого; каковое рѣшеніе всегда будетъ болѣе полезно, нежели оставаться нейтральнымъ. Ибо, если два могущественныхъ сосѣда Князя станутъ воевать, то или они таковы, что при побѣдѣ одного изъ нихъ Князь долженъ бояться побѣдителя, или же не таковы. Какъ въ томъ, такъ и другомъ случаѣ для Князя болѣе полезно вести дѣло на чистоту, начавъ открытую войну. Вѣдь, если онъ не сдѣлаетъ этого въ первомъ случаѣ, то всегда окажется жертвой побѣдителя къ радости и удовлетворенію побѣжденнаго, и не будетъ ему нигдѣ ни защиты, ни убѣжища. Тотъ, кто побѣдилъ, не желаетъ имѣть сомнительныхъ друзей, оставляющихъ въ моментъ невзгоды, тотъ же, кто разбитъ, не дастъ ему пріюта, такъ какъ онъ не хотѣлъ съ оружіемъ въ рукахъ раздѣлить съ нимъ его участь. Антіохъ явился по зову этолійцевъ въ Грецію, чтобы изгнать оттуда римлянъ. Антіохъ послалъ къ ахейцамъ, друзьямъ римскаго народа, пословъ, чтобы убѣдить ихъ остаться нейтральными; съ другой стороны римляне убѣждали ихъ вступиться за нихъ съ оружіемъ въ рукахъ. Этотъ вопросъ обсуждался въ совѣтѣ ахейцевъ, гдѣ посолъ Антіоха убѣждалъ ихъ оставаться нейтральными. Римскій посолъ отвѣтилъ на это: „Что касается совѣта не вмѣшиваться въ нашу войну, совѣта выдающаго себя за наилучшій и полезнѣйшій для вашего государства—то нѣтъ ничего болѣе несуразнаго, ибо не вмѣшиваясь въ нее, вы, не пріобрѣтя ни расположенія къ себѣ, ни громкаго имени, останетесь добычей побѣдителя“. И всегда будетъ такъ, что тотъ, кто не другъ Князю, будетъ требовать нейтралитета, тотъ же, кто другъ ему, будетъ про-

сить объ открытомъ выступленіи. Нерѣшительные же Князья, чтобы избѣжать непосредственно угрожающихъ опасностей, часто вступаютъ на путь нейтральности и потому по большей части гибнутъ. Но когда Князь смѣло становится на какую-нибудь одну сторону, то въ случаѣ побѣды его союзника, этотъ послѣдній, хотя и выходитъ изъ борьбы могущественнымъ и Князь находится въ его рукахъ, однако чувствуетъ себя обязаннымъ по отношенію къ Князю и долженъ относиться къ нему съ любовью; люди же никогда не бываютъ столь безчестны, чтобы угнетать того, кому они обязаны, и явить такимъ образомъ примѣръ черной неблагодарности. Затѣмъ побѣда никогда не бываетъ столь полной, чтобы побѣдитель ни въ комъ не имѣлъ нужды и ни съ чѣмъ не считался бы, особенно со справедливостью. Если же союзникъ Князя терпитъ пораженіе, то Князь найдетъ у него пріютъ; по мѣрѣ возможности тотъ будетъ помогать ему, и Князь раздѣлитъ его судьбу, которая еще можетъ измѣниться къ лучшему. При второмъ случаѣ, когда воюющія стороны такого рода, что Князю нечего опасаться побѣдителя, тѣмъ болѣе благоразумно принять чью-либо сторону, ибо здѣсь Князь работаетъ на погибель одного съ помощью другого, который, будь онъ поумнѣе, долженъ былъ бы подумать о спасеніи перваго; побѣдитель же остается совершенно въ рукахъ Князя (побѣдитъ же несомнѣнно тотъ, кому Князь помогаетъ). Слѣдуетъ отмѣтить, что Князь долженъ взять за правило никогда не вступать въ союзъ съ болѣе могущественнымъ въ цѣляхъ нападенія на другого, кромѣ случая необходимости, какъ объ этомъ было сказано выше. Вѣдь, въ случаѣ

побѣды, Князь окажется въ его рукахъ, Князья же должны по мѣрѣ возможности избѣгать состоянія зависимости отъ другихъ. Венеціанцы заключили союзъ съ Франціей противъ герцога Миланскаго, хотя могли обойтись и безъ этого союза, который былъ источникомъ ихъ гибели. Но если нельзя обойтись безъ союза, каково было положеніе флорентійцевъ, когда папа и Испанія двинули войска противъ Ломбардіи, то, по вышеуказаннымъ основаніямъ, Князь долженъ принять чью-либо сторону. Никогда не слѣдуетъ думать, что какое-либо государство можетъ принимать безопасныя рѣшенія; напротивъ, нужно имѣть въ виду, что имъ приходится принимать весьма рискованныя, ибо самый порядокъ вещей таковъ, что никогда нельзя избѣжать одного неудобства, не впавъ въ другое; благоразуміе же состоитъ въ томъ, чтобы умѣть распознавать свойства этихъ неудобствъ и принимать наименѣе дурное за хорошее.

Князь долженъ также заявить себя приверженцемъ доблести и окружать почетомъ дарованія, гдѣ бы они не проявлялись. Онъ долженъ, кромѣ того, внушить своимъ согражданамъ увѣренность въ томъ, что они могутъ спокойно заниматься своими промыслами, кто земледѣліемъ, кто торговлей, кто другимъ какимъ-либо промысломъ, для того, чтобы одинъ не воздерживался отъ украшенія своихъ владѣній изъ боязни, что ихъ у него отнимутъ, другой не сомнѣвался бы открыть какое-нибудь предпріятіе изъ страха налоговъ. Напротивъ, ему слѣдуетъ назначать награды для желающихъ заниматься подобными дѣлами и для всѣхъ тѣхъ, кто такъ или иначе способствуетъ возвеличенію его города и государства. Кромѣ того онъ

долженъ въ извѣстное время года устраивать для народа праздники и зрѣлища. И такъ какъ каждый городъ дѣлится на цѣхи или сословія, то Князь долженъ считаться съ этими корпораціями, появляться иногда на ихъ собраніяхъ, являть примѣры человѣчности и щедрости, никогда однако не забывая величія своего сана, ибо оно должно проявляться во всемъ.

Глава XXII.

О совѣтникахъ Князя.

Выборъ министровъ есть для Князя дѣло не малой важности; они будутъ хороши или нѣтъ, смотря по его благоразумію. О властителѣ и его способностяхъ судятъ прежде всего по подбору лицъ, его окружающихъ. Если они на своихъ мѣстахъ и преданы ему, то онъ всегда сойдетъ за мудраго, такъ какъ онъ сумѣлъ распознать достойныхъ людей и удержать ихъ въ вѣрности себѣ. Но если дѣло обстоитъ иначе, то это всегда можетъ дать основаніе неблагопріятному сужденію о немъ, ибо первый промахъ, именно промахъ при этомъ выборѣ, уже сдѣланъ имъ. Всякій, кто знавалъ Антоніо да Венафро, министра Пандольфа Петруччи, князя Сіены, не могъ не считать Петруччи, имѣющаго подобнаго министра, за умнѣйшаго человѣка.

Людей, по ихъ умственнымъ способностямъ, можно раздѣлить на три разряда: одни понимаютъ все сами, другіе понимаютъ, когда имъ растолковываютъ, третьи не доходятъ до пониманія ни своими собственными силами, ни съ помощью дру-

гихъ. Первый разрядъ превосходенъ въ высшей степени, второй превосходенъ, третій безполезенъ. Поэтому, если Пандольфо не былъ въ первомъ разрядѣ, то во всякомъ случаѣ долженъ былъ быть во второмъ. Вѣдь всякій, кто обладаетъ способностью сужденія, достаточной для различенія хорошаго и дурного въ дѣлахъ и рѣчахъ другихъ, хотя бы самъ и не отличался изобрѣтательностью, всегда однако распознаетъ хорошія и дурныя дѣла министра, и первыя будетъ поощрять, вторыя же пресѣкать; министры же не могутъ надѣяться обмануть его и ведутъ себя хорошо.

Для того же, чтобы Князь могъ распознать министра, есть слѣдующій способъ, всегда приводящій къ цѣли. Когда Князь видитъ, что министръ далѣе заботится о себѣ, нежели о немъ, и что во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ преслѣдуетъ собственную выгоду, то онъ можетъ быть увѣренъ, что такого рода человѣкъ никогда не будетъ хорошимъ министромъ, и никогда онъ не сможетъ положиться на него, ибо тотъ, кто облеченъ властью другого, долженъ всегда думать не о себѣ, а о Князѣ и обращаться къ Князю лишь съ дѣлами, касающимися того лично. Съ другой стороны Князь, чтобы удержать министра на добромъ пути, долженъ заботиться о немъ, оказывать ему почетъ, обогащая его, привязывая его къ себѣ, дѣля съ нимъ и честь, и укоризны. Это необходимо для того, чтобы обиліе почестей и богатствъ побудило его не стремиться къ другимъ почестямъ и богатствамъ, а обиліе укоризнъ заставляло бы его опасаться перемѣнъ, такъ какъ онъ понимаетъ, что ему не сдобровать безъ Князя.

Когда Князь и министръ таковы, то они могутъ

положиться другъ на друга; если же они не таковы, то конецъ будетъ печальный для одного изъ нихъ.

Глава XXIII.

Какъ слѣдуетъ избѣгать льстецовъ.

Я не хочу обойти молчаніемъ одного важнаго вопроса и ошибки, отъ которой Князьямъ, если только они не обладаютъ большимъ благоразуміемъ и не сдѣлаютъ удачнаго выбора, очень трудно уберечься. Я имѣю въ виду льстецовъ, которыми кишатъ дворы, ибо люди настолько пристрастны къ самимъ себѣ и настолько подвержены въ этомъ отношеніи обману, что имъ трудно уберечься отъ этой язвы, а когда они желаютъ уберечься отъ нея, имъ грозитъ опасность стать предметомъ презрѣнія. Ибо нѣтъ для Князя другого средства избавиться отъ льстецовъ, какъ внушить людямъ увѣренность, что, говоря правду, они не оскорбляютъ его; но тѣмъ самымъ, что каждый сможетъ говорить Князю правду, будетъ поколеблено уваженіе къ нему. Поэтому благоразумный Князь долженъ держаться третьяго пути, подобравъ въ своемъ государствѣ мудрыхъ людей и только имъ дозволивъ говорить правду и притомъ только въ отвѣтъ на его вопросы, а не о чемъ-либо другомъ. Но Князь долженъ спрашивать ихъ обо всемъ, выслушивать ихъ мнѣнія, а затѣмъ обсудить вопросъ самостоятельно. Съ этими совѣтниками и съ каждымъ изъ нихъ въ отдѣльности Князь долженъ обращаться такъ, чтобы они понимали, что чѣмъ болѣе откровенно они бу-

дутъ говорить, тѣмъ это будетъ Князю пріятнѣе; кромѣ же нихъ, никого не слушать, не отступать отъ принятаго рѣшенія и твердо проводить его. Кто поступаетъ иначе, тотъ или терпитъ отъ льстецовъ, или часто мѣняется подъ вліяніемъ различныхъ мнѣній, а это не можетъ не подорвать уваженія къ нему. Я хочу привести здѣсь одинъ примѣръ изъ современной жизни. Патеръ Лука, приближенный теперешняго императора Максимиліана, говоря о его величествѣ, замѣтилъ, что онъ никогда ни съ кѣмъ не совѣтовался и никогда ни въ чемъ не поступалъ по собственному усмотрѣнію; это объясняется тѣмъ, что онъ держался правилъ, противоположныхъ вышеизложеннымъ. Дѣло въ томъ, что императоръ — человѣкъ скрытный, никому не открывающій своихъ плановъ, не спрашивающій ничьего мнѣнія. Но лишь только эти планы, при ихъ выполненіи, начинаютъ выясняться и обнаруживаться, какъ его приближенные начинаютъ отсовѣтывать ихъ дальнѣйшее проведеніе, и императоръ, по своей слабости, позволяетъ себя уговорить. Благодаря этому и происходить, что сдѣланное сегодня онъ разрушаетъ завтра, что никогда нельзя понять, чего онъ хочетъ и собирается сдѣлать, и что на его рѣшенія нельзя разсчитывать. Поэтому Князь долженъ всегда совѣтоваться, но когда онъ самъ этого хочетъ, а не кто-либо другой. Напротивъ, онъ долженъ у каждаго отбить охоту совѣтовать ему о томъ, о чемъ онъ его не спрашиваетъ; но онъ самъ долженъ не скупиться на вопросы и терпѣливо выслушивать правду о спрошенномъ, болѣе того, негодовать, если ему кажется, что кто-нибудь замалчиваетъ правду по какимъ-либо соображеніямъ. И хотя нѣкоторые

думаютъ, что иные Князья, слывущіе благоразумными, обязаны этой славой не своей природѣ, но добрымъ совѣтамъ своихъ приближенныхъ, однако они несомнѣнно ошибаются, ибо никогда не обманываетъ и не знаетъ исключеній то правило, что только мудрый Князь можетъ имѣть хорошихъ совѣтниковъ; развѣ только Князь настолько подпадетъ подъ вліяніе какого-нибудь одного и притомъ очень благоразумнаго человѣка, что тотъ будетъ всецѣло руководить имъ. Въ этомъ случаѣ руководство можетъ быть вполнѣ хорошимъ, но оно будетъ непродолжительно, ибо этотъ руководитель не замедлитъ лишить Князя государства; если же Князь совѣщается съ нѣсколькими лицами, то, не будь онъ самъ мудръ, онъ никогда не будетъ имѣть согласныхъ совѣтовъ и самъ не сумѣетъ согласовать ихъ: всѣ совѣтники будутъ помышлять о собственной выгодѣ, и онъ не сумѣетъ ни исправить ихъ, ни распознать. Смѣна же совѣта ни къ чему не поведетъ, ибо люди всегда будутъ дурны, если необходимость не заставитъ ихъ быть хорошими. Отсюда слѣдуетъ, что хорошіе совѣты, отъ кого бы они не исходили, всегда являются плодомъ благоразумія Князя, а не благоразуміе Князя плодомъ хорошихъ совѣтовъ.

Глава XXIV.

Почему Князья Италіи лишились своихъ государствъ.

Благоразумное соблюденіе вышеуказанныхъ правилъ придаетъ новому Князю обличье стараго и тотчасъ же дѣлаетъ его положеніе въ государствѣ

болѣе безопаснымъ и крѣпкимъ, нежели если бы его власть была освящена временемъ. Дѣло въ томъ, что поступки новаго Князя вызываютъ большее вниманіе къ себѣ, нежели поступки наслѣдственнаго, и если они признаются доблестными, то гораздо болѣе влекутъ къ себѣ людей и гораздо болѣе обязываютъ ихъ, нежели древность династіи. Вѣдь людей настоящее захватываетъ гораздо болѣе, нежели прошлое, и если они въ настоящемъ находятъ хорошее, то они довольствуются имъ и не ищутъ другого; болѣе того они будутъ даже всѣми способами защищать Князя, если только онъ въ другихъ отношеніяхъ не оплошаетъ самъ. И такимъ образомъ положившій начало новому княжеству, украсившій и укрѣпившій его хорошими законами, хорошими друзьями, хорошими примѣрами—будетъ покрытъ двойной славой, какъ и двойнымъ срамомъ тотъ, кто, родившись Княземъ, по своему неблагоразумію лишился трона. И если перечесть тѣхъ властителей, которые лишились своихъ государствъ въ Италіи въ наши дни, какъ король неаполитанскій, герцогъ миланскій, то окажется во-первыхъ, что у всѣхъ нихъ былъ общій недостатокъ въ постановкѣ военнаго дѣла, причины чего были подробно обсуждены выше. Затѣмъ, нѣкоторые изъ нихъ враждовали со своимъ народомъ, тѣ же, къ которымъ народъ относился дружески, не сумѣли обезопасить себя со стороны знати. Безъ этихъ недостатковъ нельзя лишиться государствъ, имѣющихъ достаточно жизненныхъ силъ, чтобы выставить въ поле войско.

Филиппъ Македонскій (не отецъ Александра Македонскаго, а тотъ, который былъ побѣжденъ Титомъ Квинтіемъ) обладалъ лишь небольшимъ госу

дарствомъ по сравненію съ мощью Рима и Греціи, напавшихъ на него. Но такъ какъ онъ былъ человѣкомъ воинственнымъ и умѣвшимъ ладить съ народомъ и обезопасить себя со стороны знати, то онъ долго велъ войну и, въ концѣ концовъ, потерявъ, правда, нѣсколько городовъ, сохранилъ однако престолъ. Поэтому тѣ наши Князья, которые лишились своихъ княжествъ послѣ многихъ лѣтъ властвованія въ нихъ, должны пенять не на судьбу, но на свое нерадѣніе. Вѣдь въ тихое время они никогда не думали о возможности перемѣны обстоятельствъ (не думать во время затишья о бурѣ — есть недостатокъ общій всѣмъ людямъ), и когда впослѣдствіи наступали дни невзгоды, они помышляли скорѣе о бѣгствѣ, нежели о защитѣ, въ надеждѣ на то, что народъ, выведенный изъ себя гнетомъ побѣдителя, призоветъ ихъ обратно. Такое рѣшеніе при невозможности другихъ похвально, но пренебрегать изъ-за него другими выходами очень дурно. Вѣдь никому же не приходитъ въ голову падать только потому, что онъ надѣется быть поднятымъ. Это послѣднее можетъ и не произойти, а если и произойдетъ, то не послужитъ къ безопасности Князя, такъ какъ такого рода защита невысокаго достоинства и не зависитъ отъ него. А только тѣ защиты хороши, вѣрны и дѣйствительны на долгое время, которыя зависитъ отъ самаго Князя и его доблести.

Глава XXV.

О вліяніи судьбы на человѣческую жизнь и о томъ, какъ ей противостать.

Я знаю, что многіе люди держались и держатся того мнѣнія, будто ходъ вещей на свѣтѣ такъ направляется судьбой и Богомъ, что человѣческое благоразуміе не въ силахъ его исправить,—напротивъ, совершенно немощно противъ него; выводъ изъ этого былъ бы тотъ, что не слѣдуетъ въ потѣ лица проходить свой жизненный путь, но предаться на волю судьбы. Это мнѣніе получило въ наше время большое распространеніе, что объясняется великими переворотами, ставшими обычными и заурядными явленіями и совершенно исключающими всякое человѣческое предвидѣніе. Иногда, размышляя о нихъ, я самъ отчасти склонялся къ подобному мнѣнію. Но такъ какъ не слѣдуетъ поступаться нашей свободной волей, то я готовъ признать возможность истинности того, что судьба управляетъ половиной нашихъ дѣяній, но что другую половину или нѣсколько менѣе она предоставляетъ намъ самимъ. Я уподобляю судьбу стремительной рѣкѣ, которая, разбушевавшись, заливаетъ равнины, опрокидываетъ деревья и зданія, смываетъ землю съ одного мѣста, нанося ее на другое; все бѣжитъ отъ нея, все уступаетъ ея ярости, не имѣя возможности противостоять ей. И несмотря на такое положеніе вещей, не исключена однако возможность того, чтобы люди въ дни затишья приняли противъ нея какія-нибудь предупредитель-

ныя мѣры, строя загражденія и плотины, такъ что, когда она вновь переполнится, то или потечетъ по каналу, или же ея напоръ не будетъ столь безудерженъ и губителенъ. Подобное же происходитъ и съ судьбой: она показываетъ свою мощь тамъ, гдѣ не позаботились о силѣ, могущей противостать ей, и свой натискъ она направляетъ въ ту сторону, гдѣ, какъ она знаетъ, не заготовлено ни загражденій, ни плотинъ, чтобы сдержать ее. Если обозрѣть Италію, которая является ареной и источникомъ этихъ переворотовъ, то она покажется гладкимъ полемъ безъ загражденій и плотинъ. Если бы она была защищена надлежащимъ образомъ, какъ Германія, Испанія и Франція, то это наводненіе не произвело бы такихъ великихъ переворотовъ, какъ теперь, или оно вовсе не имѣло бы мѣста. Вотъ все, что я думалъ сказать относительно сопротивленія судьбѣ вообще.

Сосредоточиваясь же болѣе на частностяхъ, я говорю, что часто можно видѣть, какъ сегодня гибнетъ Князь, еще вчера благоденствовавшій, хотя, по видимости, ни его природа, ни свойства не измѣнились. Это объясняется, думается мнѣ, тѣми же причинами, о которыхъ я пространно говорилъ выше, а именно тѣмъ, что Князь, всецѣло полагающійся на судьбу, гибнетъ при ея измѣненіи. Я думаю также, что счастливъ будетъ тотъ, чей образъ дѣйствій согласуется съ особенностями времени, и, равнымъ образомъ, несчастливъ тотъ, чей образъ дѣйствій расходится съ временемъ. Поэтому можно наблюдать, что люди, стремясь къ общей для всѣхъ цѣли, а именно славѣ и богатству, поступаютъ различно: одни берутъ осторожностью, другіе натискомъ,

одинъ насиліемъ, другой хитростью, одни терпѣніемъ, другіе противоположнымъ ему свойствомъ; и этими различными путями всѣ могутъ притти къ одной и той же цѣли. Можно видѣть также, что изъ двухъ осторожныхъ одинъ достигаетъ цѣли, другой нѣтъ, и что, равнымъ образомъ, одинаково благоденствуютъ достигшіе цѣли разными путями, такъ какъ одинъ остороженъ, другой же беретъ напоромъ: все это объясняется только свойствами времени, съ которымъ согласуется или несогласуется ихъ образъ дѣйствій. Благодаря этому происходитъ то, о чемъ я говорилъ, а именно, что два лица, по разному дѣйствующіе, приходятъ къ одному и тому же результату, а изъ двухъ лицъ, дѣйствующихъ одинаково, одинъ приходитъ къ своей цѣли, а другой нѣтъ. Отъ этого также зависитъ и измѣненія въ благополучіи, ибо, если для дѣйствующаго осторожно и терпѣливо, времена и обстоятельства складываются такимъ образомъ, что его образъ дѣйствій хорошъ, то онъ будетъ счастливъ, если же времена и обстоятельства мѣняются, то онъ гибнетъ, такъ какъ не мѣняетъ своего образа дѣйствій. И нѣтъ человѣка, настолько благоразумнаго, чтобы умѣть приспособиться къ этому, какъ потому, что трудно итти противъ своихъ природныхъ склонностей, такъ и потому, что тотъ, кто постоянно преуспѣвалъ, слѣдуя одному пути, не можетъ убѣдить себя въ необходимости уклоненія отъ него. И потому осторожный человѣкъ не умѣетъ перейти къ натиску, когда это нужно, почему и гибнетъ; но если бы его природа измѣнилась вмѣстѣ съ временемъ, то его судьба осталась бы безъ перемѣны.

Папа Юлій II всегда дѣйствовалъ натискомъ, и

времена и обстоятельства настолько соотвѣтствовали его образу дѣйствій, что онъ всегда имѣлъ успѣхъ. Разсмотримъ его первое предпріятіе противъ Болоньи, еще при жизни мессера Джіованни Бентивольи. Венеціанцы, какъ и король испанскій, косо смотрѣли на это предпріятіе, съ Франціей онъ велъ еще переговоры относительно него; и не смотря на все это, онъ самъ лично съ обычной для него безудержностью и стремительностью выступилъ въ этотъ походъ. Такой шагъ привелъ Испанію и венеціанцевъ въ нерѣшительность, внушенную венеціанцамъ страхомъ, Испаніи желаніемъ захватить снова все королевство Неаполитанское; съ другой стороны онъ увлекъ за собой короля Франціи, ибо этотъ послѣдній, увидѣвъ, что папа уже въ походѣ, и добиваясь его дружбы, чтобы унизить венеціанцевъ, рѣшилъ, что невозможно отказать ему въ помощи войсками безъ явнаго оскорбленія. Итакъ, Юлій своимъ стремительнымъ шагомъ добился того, чего не добивался ни одинъ первосвященникъ во всеоружіи человѣческаго благоразумія, ибо, если бы онъ сталъ откладывать отъѣздъ изъ Рима до того момента, когда будутъ заключены прочные договоры и все будетъ условлено, какъ сдѣлалъ бы на его мѣстѣ каждый другой первосвященникъ, то онъ ни въ коемъ случаѣ не имѣлъ бы успѣха. Вѣдь король Франціи нашелъ бы тысячу извиненій, а другіе тысячу угрозъ. Я не буду говорить о другихъ его дѣяніяхъ, которыя всѣ были въ томъ же родѣ и всѣ увѣнчались успѣхомъ; краткость жизни не позволила ему испытать неудачу, такъ какъ, если бы наступили времена, требующія осторожнаго образа дѣйствій, то они повлекли бы за собой его гибель, ибо онъ никогда не уклонился

бы отъ пути, который указывала ему его натура. Итакъ, въ заключеніе скажу, что при измѣнчивости судьбы и упорствѣ людей въ своемъ образѣ дѣйствій, они счастливы до тѣхъ поръ, пока ихъ образъ дѣйствій и судьба соотвѣтствуютъ другъ другу; когда же не соотвѣтствуютъ, то несчастливы. Однако мы думаемъ, что лучше быть стремительнымъ, нежели осторожнымъ, ибо судьба— женщина, и если желаютъ укротить ее, необходимо награждать ее колотушками и пинками. Людямъ, не скупящимся на нихъ, побѣда надъ ней дается легче, нежели людямъ хладнокровнымъ. И потому то она всегда, какъ женщина, другъ молодости, ибо молодость менѣе осмотрительна, болѣе отважна и болѣе самоувѣренно помыкаетъ ею.

Глава XXVI.

Увѣщаніе освободить Италію отъ варваровъ.

Теперь, соображая все изложенное мною выше, я задаю самъ себѣ вопросъ: способно ли настоящее положеніе вещей въ Италіи покрыть славой новаго Князя, и имѣется ли въ ней матеріалъ, который могъ бы дать благоразумному и доблестному Князю поводъ придать ей новый обликъ— ему на славу и на благо всей совокупности ея жителей?—и прихожу къ тому выводу, что стеченіе обстоятельствъ теперь настолько благопріятно для новаго Князя, что не знаю, было ли когда-либо время болѣе для него удобное. И если, какъ я сказалъ, для того, чтобы проявилась доблесть Моисея, народъ израильскій долженъ былъ быть ра-

бомъ въ Египтѣ, для распознанія величія и мужества Кира необходимо было, чтобы персы находились подъ игомъ мидянъ, а для прославленія великихъ дарованій Тезея аѳиняне должны были жить въ разсѣяніи,—то, точно также, и въ настоящій моментъ для того, чтобы проявилась доблесть итальянскаго духа, необходимо было, чтобы Италія дошла до своего теперешняго состоянія, чтобы она была болѣе порабощена, чѣмъ евреи, въ большемъ угнетеніи, нежели персы, въ большемъ разсѣяніи, нежели аѳиняне; чтобы не было у ней ни главы, ни прочныхъ порядковъ, чтобы она была разгромлена, разграблена, истерзана, опустошена и перенесла всевозможный позоръ. И хотя и до сихъ проявлялись кое въ комъ знаменательныя черты, позволявшія видѣть въ нихъ Богомъ посланныхъ освободителей Италіи, — однако же судьба преграждала имъ путь, лишь только они успѣвали подняться на извѣстную высоту, такъ что еще до сихъ поръ Италія, какъ бы распростертая на смертномъ одрѣ, ждетъ того, кто исцѣлилъ бы ея раны и положилъ бы конецъ разоренію и грабежу Ломбардіи, хищеніямъ и поборамъ, истощающимъ королевство Неаполитанское и Тоскану, и исцѣлилъ бы ея давно уже гноящіяся язвы. Какъ молитъ она Бога о томъ, чтобы онъ послалъ ей кого-нибудь, кто бы освободилъ ее отъ жестокости и неистовства варваровъ! Какъ одинъ человѣкъ встанетъ она подъ общее знамя, лишь бы только нашелся кто-нибудь, кто бы его поднялъ! И въ настоящій моментъ нѣтъ никого, на кого она могла бы возлагать бóльшія надежды, нежели на вашъ славный домъ, который при своей доблести и счастьѣ (ему покровительствуетъ Богъ и Церковь, во главѣ ко-

торой сейчасъ одинъ изъ его членовъ) могъ бы взять въ свои руки дѣло освобожденія. И это не будетъ слишкомъ трудной задачей, если вы будете имѣть передъ глазами дѣянія и жизнь великихъ людей, о которыхъ я повѣствовалъ. Правда, такіе люди рѣдки и достойны удивленія, но вѣдь они все же были людьми, и обстоятельства, давшія имъ поводъ къ выступленію, были менѣе значительны, нежели настоящія, ихъ подвигъ былъ ни болѣе справедливъ, ни болѣе легокъ, чѣмъ этотъ; и Богъ не былъ къ нимъ расположенъ болѣе, нежели къ вамъ. Въ этомъ подвигѣ — величайшая справедливость, ибо та война справедлива, которая необходима, и то оружіе священно, на которое единственная надежда. Для этого подвига, все готово, а тамъ, гдѣ есть подобная готовность, не можетъ быть большой трудности, если только эта готовность будетъ использована въ соотвѣтствіи съ предложенными мною для руководства предписаніями.

Въ безпримѣрныхъ знаменіяхъ проявляетъ свою волю Богъ: море разверзлось, облако указывало вамъ путь, скала источала воду, падала манна въ видѣ дождя—все соединилось, чтобы возвеличить васъ; остальное должны сдѣлать вы сами. Богъ не хочетъ дѣлать всего, чтобы не лишить насъ свободной воли и части приличествующей намъ славы. И нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что ни одинъ изъ названныхъ выше итальянцевъ не могъ сдѣлать того, что, какъ позволительно надѣяться, выполнитъ вашъ славный домъ, и что среди стольких переворотовъ въ Италіи и столькихъ военныхъ предпріятій все же на первый взглядъ кажется, будто воинская доблесть угасла въ ней: это объясняется тѣмъ, что прежнія учрежденія

въ ней были дурны, и что не нашелся никто, кто бы сумѣлъ ввести новыя. И ничто не покрываетъ такой славой недавно возвысившагося человѣка, какъ введеніе хорошихъ законовъ и хорошихъ учрежденій. Когда они прочно установлены и носятъ на себѣ печать величія, они дѣлаютъ его предметомъ почитанія и удивленія. Въ Италіи же нѣтъ недостатка въ матеріалѣ, способномъ воспріять любую форму. Великая доблесть проявится въ каждомъ изъ ея сыновъ, если только таковая будетъ въ людяхъ, стоящихъ во главѣ ея. Обратите вниманіе на поединки и небольшія стычки. Вы убѣдитесь, насколько высоко стоятъ итальянцы въ отношеніи силы, ловкости, сообразительности. Когда же они собираются въ большое войско, ихъ достоинства не обнаруживаются, что объясняется всецѣло слабостью вождей, ибо тѣ, которые понимаютъ дѣло, неспособны къ повиновенію, и каждый можетъ считать себя понимающимъ, такъ какъ до сихъ поръ не появлялся еще человѣкъ, настолько превосходящій остальныхъ доблестью или счастьемъ, чтобы всѣ подчинялись ему. Этимъ объясняется тотъ фактъ, что въ теченіе значительнаго промежутка времени, во всѣхъ войнахъ, веденныхъ за послѣднія двадцать лѣтъ, войско, составленное изъ однихъ итальянцевъ, всегда терпѣло неудачу; доказательствами могутъ служить во-первыхъ Таро, затѣмъ Александрія, Капуя, Генуя, Вайла, Болонья, Местри.

Поэтому, если вашъ славный домъ желаетъ послѣдовать примѣру превосходныхъ людей, освободившихъ свою родину, то онъ долженъ раньше всего обзавестись, какъ единственной основой для каждаго предпріятія, собственной арміей, ибо нельзя

имѣть ни болѣе преданнаго, ни болѣе непоколебимаго, ни лучшаго войска. И хотя бы каждый солдатъ въ отдѣльности былъ хорошъ, они, если ихъ собрать вмѣстѣ, будутъ еще лучше, когда увидятъ, что ими повелѣваетъ Князь, который чтитъ ихъ и о нихъ печется. Поэтому для того, чтобы съ итальянской доблестью защищаться отъ иноземцевъ, необходимо завести такое войско. Правда швейцарская и испанская пѣхота считаются грозными; однако же въ той и другой есть недостатокъ, пользуясь которымъ другое войско могло бы не только противиться имъ, но даже разсчитывать на побѣду. Вѣдь испанцы не могутъ выдержать натиска кавалеріи, и швейцарцы должны бояться пѣхоты, если имъ придется встрѣтиться съ такой, которая будетъ не менѣе упорна въ бою, чѣмъ они. Поэтому опытъ показалъ и еще покажетъ, что испанцы не могутъ выдержать натиска французской кавалеріи, а швейцарцы терпятъ пораженіе отъ испанской пѣхоты. И хотя относительно послѣдняго опытъ еще не высказался окончательно, однако извѣстнымъ показателемъ является уже бой при Равеннѣ, когда испанская пѣхота встрѣтилась съ нѣмецкими полками, которыя соблюдаютъ тотъ же строй, что и швейцарцы: испанцамъ, благодаря ихъ тѣлесной ловкости, удалось пробраться, подъ прикрытіемъ небольшихъ щитовъ, снизу между копьями, и они могли, находясь сами въ безопасности, поражать нѣмцевъ, тогда какъ послѣдніе ничего не могли подѣлать, и если бы кавалерія не бросилась на испанцевъ, то они истребили бы всѣхъ нѣмцевъ.

Такимъ образомъ, познавъ недостатокъ какъ того, такъ и другого вида пѣхоты, можно было бы

создать третій видъ, который могъ бы противостоять кавалеріи и не боялся бы пѣхоты; такимъ сдѣлаетъ его не родъ оружія, но измѣненіе организаціи. Созданіе подобнаго войска относится къ тому роду нововведеній, которыя обезпечиваютъ новому Князю громкое имя и величіе. Не слѣдуетъ поэтому пропускать такого случая, дабы Италія послѣ столькихъ лѣтъ ожиданія узрѣла наконецъ появленіе своего освободителя. Нельзя выразить словами, съ какой любовью онъ будетъ встрѣченъ въ провинціяхъ, пострадавшихъ отъ иноземныхъ нашествій, съ какой жаждой мести, съ какой непоколебимой вѣрностью, съ какимъ благоговѣніемъ, съ какими слезами! Какія ворота закрылись бы для него? какой народъ отказалъ бы ему въ повиновеніи? чья зависть стала бы на его пути? **Всѣмъ претитъ господство варваровъ.** Пусть же вашъ славный домъ возьмется за эту миссію съ тѣмъ мужествомъ и тѣмъ надеждами, съ какими берутся за правое дѣло, дабы подъ его знаменемъ воспряла родина и подъ его звѣздой оправдались слова Петрарка:

Virtù contra furore
Prenderà l'arme; e fia 'l combatter corto,
Chè l'antico valore,
Nell' italici cor non è ancor morto *).

Petrarca Conz. XVI, v. 93—96.

*) Доблесть подниметъ оружіе противъ бѣшеной злобы. И бой будетъ не долгъ, ибо еще не угасла прежняя доблесть въ сердцахъ итальянцевъ.

Т—во „Печатня С. П. Яковлева“. Петровка, Салтыковскій пер., д. Т—ва, № 9.

